

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 1

Попаданец (АСТ)

Андрей Шопперт
И опять Пожарский

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шопперт А. Г.

И опять Пожарский / А. Г. Шопперт — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-151968-1

Генерал-лейтенант в отставке Афанасий Иванович Афанасьев погибает от случайного выстрела охотника в 2017 году, и его сознание переносится в тело тринадцатилетнего сына князя Пожарского Петра в 1617 год. Доживал. А тут молодость. Гормоны. Юношеский максимализм. Огромная неизведанная страна. Первые Романовы, сидящие на краешке трона. Ещё бурлит страна. Надо воевать. Надо развивать экономику. Одному? Нужно искать соратников и помощников. Бог ему в помощь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151968-1

© Шопперт А. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Событие первое	6
Событие второе	8
Событие третье	10
Событие четвёртое	13
Событие пятое	14
Событие шестое	17
Событие седьмое	19
Событие восьмое	21
Событие девятое	24
Событие десятое	27
Событие одиннадцатое	29
Событие двенадцатое	31
Событие тринадцатое	33
Событие четырнадцатое	35
Событие пятнадцатое	37
Событие шестнадцатое	40
Событие семнадцатое	42
Событие восемнадцатое	45
Событие девятнадцатое	47
Событие двадцатое	50
Событие двадцать первое	52
Событие двадцать второе	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Шопперт И опять Пожарский

© Андрей Шопперт, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Серия «Попаданец» *Выпуск 140*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Событие первое

Афанасий Иванович Афанасьев сидел на скамейке у себя на даче и наслаждался последним летним деньком. Комаров уже нет. Мухи ещё есть, не без этого, но меньше, гораздо меньше, чем пару месяцев назад. Солнце приятно ласкало подставленное лицо. Совсем слабый ветерок не давал его лучам сделаться горячими, да и конец августа всё же. Всё было просто замечательно: картошка выкопана, огурцы с помидорами политы, перцы и баклажаны подкормлены разведённой в бочке золой. Сиди и впитывай последние в этом году летние лучи.

Мешали охотники. Афанасий Иванович их просто ненавидел. Задняя часть его большого участка выходила к полужаросшему камышом и рогозом большому озеру, так что всего в ста метрах, а может, и поближе, истребляли ни в чём не повинных уток. Охотников было двое. Они засели в шалашах на разных концах озера и гоняли друг к другу бедных уток. Каждые пару минут, а то и чаще, гремели выстрелы. Какой тут, к черту, отдых.

Надо сказать, что генерал-лейтенант в отставке Афанасьев выстрелов за свою длинную жизнь понаслышался. Родился он здесь же, в селе под Нижним Новгородом. Тогда, правда, город назывался Горький в честь пролетарского писателя, которого ненавидели все школьники страны за его «Мать» и «На дне». Оба произведения Афанасий Иванович недавно перечитал: его попросили выступить перед школьниками, и по привычке всё делать основательно, всё-таки в бывшем Горьком выступать, старый офицер решил подготовиться. Это был ад, ничего хуже он в жизни не читал. Штудировал эту гадость, как оказалось, генерал зря: из школьной литературы эти произведения изъяли. Есть всё же бог. Город переименовали, и детей не мучают. А ещё все власть ругают – вот же, и от неё есть польза.

Родился будущий генерал в 1925 году. Белофинскую не застал, а вот в Великую Отечественную оттрубил три года. Был дважды ранен. После второго ранения попал в полковую разведку и закончил войну в Берлине в звании старшего лейтенанта. За плечами была десятилетка и в сорок четвёртом – ускоренные офицерские курсы. А уже 15 мая его вызвали в штаб дивизии и откомандировали в «Смерш». Три месяца подготовки, и в звании уже капитана Афанасьева отправляют во Львов. И два года они гоняли по лесам и сёлам бандеровцев, власовцев, просто бандитов и всякую другую мерзость. Тут его ранили в третий раз, правда, не тяжело – руку левую насквозь прострелили.

После выздоровления попал Афанасий Иванович в странный учебный центр. Приёмы рукопашного боя, владение саблей и штыком, метание ножей, стрельба из всех мыслимых и немыслимых положений, два языка – немецкий и английский, методы выживания в пустыне, в море, в лесу, в тундре – чего только им не преподавали. До попадания в этот центр капитан Афанасьев думал, что он в очень хорошей форме: марафон, конечно, не пробежит, но марш-бросок в двадцать километров выдержит легко. Через год он понял, что значат слова «в хорошей спортивной форме». Четыре минуты пребывания под водой – детский лепет на лужайке. Суточный бег – он пробежал сто восемьдесят семь километров!

Потом была работа в Берлине на фабрике фарфоровых изделий. До местных чекистов дошли слухи, что там зреет серьёзный заговор. Вот под видом немца из Польши его туда и внедрили. «Проработал» герр Юлиус на комбинате полный год, стал чуть ли не руководителем подполья, выявил все связи и сам же принимал участие в задержании верхушки вместе с сотрудниками только что созданного «штази». Там его подстрелили четвёртый раз. И опять в ту же руку.

В пятьдесят втором была Корея. Там подполковник Афанасьев лавров не поимел, зато поимел пятое ранение. На этот раз отделаться проникающим в многострадальную руку не удалось, схватил пулю в лёгкое. Китайские товарищи вытащили его и за неимением советского госпиталя отправили в свой. А по выздоровлении его неожиданно вызвали в Кремль. Нико-

лай Михайлович Шверник вручил полковнику Афанасьеву «Золотую Звезду» Героя Советского Союза и орден Ленина, уже второй. В коридоре Кремля к Афанасию Ивановичу подошёл незнакомый генерал-майор и сообщил, что его отправляют военным атташе в посольство Чехословакии. В Праге было замечательно. Красивый город, красивые девушки, отзывчивый добродушный народ.

В шестидесятом году в возрасте тридцати пяти лет полковника Афанасьева отправляют учиться в Академию Генерального штаба. Два года пролетели как один день. Полковник успел жениться на девушке Вале, самой красивой девушке Москвы и её окрестностей. Учёба давалась легко, он с отличием окончил академию в шестьдесят втором и думал, грешным делом, что ему присвоят генерал-майора да и оставят в Москве при штабе. Не срослось. Отправили полковника в город Рязань в военное училище заместителем легендарного Маргелова. Первых офицеров-десантников Афанасьев и готовил. В этом же шестьдесят втором состоялся первый выпуск офицеров-десантников, и Афанасий Иванович всё-таки примерил штаны с генеральскими лампасами.

Потом был Вьетнам, были Египет, Эфиопия и Афганистан. А в девяносто первом Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Афанасьева выперли в запас, читай на пенсию. Было ему шестьдесят шесть лет. Два сына служили в милиции, один уже до майора дорос, второй был старшим лейтенантом. Почему не в армии? Да так получилось, что самая красивая девушка Москвы Валя не сильно отстала от генерала в званиях и была полковником милиции. Вот дети по её стопам и пошли.

Пару лет Афанасьев тихо охреневал от того, что происходит в стране, а потом начал искать работу, чтобы с голоду не сдохнуть. Один знакомый устроил его в городе Гусь-Хрустальный на Гусевский хрустальный завод заместителем директора по технике безопасности. Проработал Афанасий Иванович на нем до кризиса девяносто седьмого года и окончательно ушёл на пенсию. И вот уже восемнадцать лет занимается сельским хозяйством у себя на даче под Нижним Новгородом. Жена умерла пять лет назад. Дети тоже были на пенсии, оба дослужились до полковников, но, видно, воровать и лизать задницы не научились. Создали охранную фирму в Нижнем и если не благоденствуют, то и не бедствуют. По субботам и воскресеньям наезжают с оравой отпрысков к бабушке на дачу и за рюмкой чая ругают полицейских и казнокрадов. Одним словом, жизнь удалась, если ещё бы не эти охотнички.

Генерал поднял лежащую у скамейки трость и пошёл на звук выстрелов, чтобы прогнать уродов со своего участка. Между берегом озера и картофельным полем был небольшой садик из яблонь, груш и вишни. Афанасьев решил пройти сквозь него, а не обходить вокруг, так как нога в последнее время побаливала – сказывалась одна из ран. Продираясь между разросшейся вишней и сливой, он увидел, что охотник среагировал на качание веток и направил на него ружье.

«Черт», – успел подумать Афанасий Иванович, и тут грянул выстрел.

Событие второе

В лето 7126 (1618) в последний день зарева (он же серпень, он же август) Михаил Фёдорович Романов (он же великий государь) сидел на лавке в горнице в Кремле и тихо, чтобы никто не слышал, плакал. Прошло почти шесть лет, как его выбрали царём. Михаил полжизни отдал бы, чтобы выбрали кого другого. Нет, его жизнь до 1613 года не была безоблачной и завидной. Опала отца у Годунова, разлука с матерью, захват Тушинским вором Ярославля, из которого они чудом спаслись, сидение заложником в Кремле при Владиславе, попытка убийства поляками, узнавшими об избрании Михаила, подвиг их старосты Ивана Сусанина и ещё десятки менее важных, но не менее печальных событий делали его прошлую жизнь не очень и завидной. Жизнь бросала Мишу, как щепку в водоворот. Потом его избрали на царство. Отец продолжал быть заложником у ляхов, и получилось, что страной правила его мать, старица Марфа.

Хорошо, что рядом всегда был спаситель отечества князь Дмитрий Пожарский. Он справился с польским полковником Лисовским, когда тот осадил Брянск; потом добывал деньги в казну для продолжающейся бесконечной войны с ляхами, выбивая пятину с торговых людей; успешно провёл переговоры с английским послом Джоном Мериком, добыв ещё денег для казны и заключив Столбовский мир с королевством Швеция, вернув Московскому государству Новгород, Старую Руссу, да и весь север. Потом, когда снова вторгся в пределы Московского царства королевич Владислав, отстоял Калугу. Князь и под Можайском одержал бы победу над латинянами, но сильно простыл и еле живым был доставлен по приказу Михаила в Москву. А только выздоровел, как сразу возглавил оборону Москвы от войска подошедшего к Твери Владислава.

И вот тут мать и её родня подсунили Михаилу указ о назначении Ивана Александровича Колтовского в товарищи к князю Пожарскому. А Колтовский взбеленился, затеял местничество: ему, дескать, быть с Пожарским невместно, у него тётка была женой самого Ивана Грозного. Сам князь Пожарский был далеко, воевал с ляхами, и потому за честь отца встрял его старший сын Пётр, бив челом ему, Михаилу, «дать оборонь за бесчестье отца». Михаил Колтовского вызвал и попенял ему: мол, не время устраивать местничество, коли враг у порога. Да без толку. Царю донесли, что боярин затаил обиду и поклялся щенка (Петра Пожарского) прибить. Пете шёл тринадцатый год. У Колтовского было с полсотни боевых холопов и несколько сот ополчённых людишек, у Пожарских же на дворе было несколько старых слуг. Вот такой расклад.

Михаил сидел на лавке и плакал. Надо было принимать меры. Он встал на колени перед иконами и стал умолять защитника своего, святого Михаила, вразумить его, как это дело переиначить так, чтобы и старший сын Пожарского, Петр, которого юный царь почитал за младшего брата (а самого Пожарского – за отца), цел остался, и Колтовского от гордыни, обуявшей того, отворотить.

И святой Михаил помог. Без стука отворилась дверь, и в горницу зашёл его дядька Иван Никитич Романов. Был он уже стар, почти шестидесяти лет, сед и худ. Михаил был дважды предан дядей, ведь даже при избрании на царство голосовал он не за племянника, а за шведского принца Карла Филиппа, сказав, что племянник ещё млад и не вполне разумен. Когда же казаки напомнили ему, что королевич на пять лет младше Михаила, тот только пожал плечами. Но сейчас у царя и дяди отношения почти наладились.

Михаил, обрадованный, что с кем-то можно поделиться печалью, рассказал прожжённому царедворцу о своей беде.

– Ты, Мишутко, сделай так: дай Петру два десятка стрельцов и отправь в Пурецкую волость Нижегородского уезда принимать те 3500 четей земли, что ты его отцу пожаловал,

да денег на дорогу немного подкинь. А с Колтовским ещё проще: отправь его со всеми людишками в Боровск, город оборонить от ляхов! – Дядька хитро подмигнул воспрявшему Михаилу и был таков. Будто и не было.

Царь призвал дьяка и продиктовал два указа. Петру Пожарскому предписывалось выехать в дарованные отцу вотчины в Нижегородской губернии немедленно, ибо пребывают они в запустении, и навести там порядок, разбойных людей повыведа, приказчиков и старост новых назначив. Второй указ был боярину Колтовскому Ивану Александровичу, чтобы он со всеми боярскими детьми, боевыми холопами, ополченцами и ротой стрельцов полка Ивана Полтеева и прочими охочими людишками, кои сыщутся, следовал к Боровску, дабы ляхов, город осаждающих, развеять.

Пётр, вызванный Михаилом, артачиться не стал, взял пятьсот рублей на дорогу и обзаведение, придирчиво осмотрел приданных стрельцов, заменил двоих на более молодых и на следующий день на десяти подводах и о двуконь для стрельцов и себя, купленных в этот же день, отбыл осваивать новые вотчины. Шёл первый день сентября 1618 года. Дорога лежала через Владимир.

Событие третье

Подьячий Замятия Симанов был доволен собой. Всё лето он провёл в дозоре в Пурецкой и Жарской волостях по указу нового балахнинского воеводы Никиты Михайловича Пушкина. Предыдущий воевода Фёдор Иванович Чоглоков с подьячим Василием Архиповым дело своё запустили, обирали торговых людишек и местных черносотенных и дворцовых мужиков, а дозорными книгами и не занимались. Это ведь копейку не приносит. Это работа, а кому охота работать. Земелька между тем потихоньку раздавалась. Пурецкая волость была отписана князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а соседняя Жарская волость разделена между служилыми людьми из смолян, вязьмичей и дорогобужцев. Те помыкались, видя такое запустение в делах, да и подали царю челобитную о составлении дозорных книг по Жарской волости. Воеводу сняли вместе с подьячим и отправили, попеняв, куда-то в Мценский уезд.

Прибыв на место в начале лета 1618 года, воевода Никита Михайлович Пушкин тихо сатанел, перебирая бумаги, оставшиеся в наследство от Чоглокова. Пурецкая волость в дозорных книгах всё ещё числилась за князем Алексеем Михайловичем Львовым, стольником Шуйского, а Жарская частично – за стольником Борисом Михайловичем Салтыковым, а частично – за его братом Михаилом. Указ был от 20 сентября 1610 года и подписан Сигизмундом.

Слов нет, Львов был человеком известным, состоял в товарищах у Дмитрия Михайловича Пожарского и даже подписывался под грамотой об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова. Даже и воеводой в Нижнем Новгороде успел побывать. Сейчас Львов отправлен в Астрахань. Только ведь не ляхам русскую землю раздавать. Всем известно, что те указы пять лет как отменены. То же и с землями Салтыковых. Те вообще высоко взлетели – родственники царя, но новый государь указы Сигизмунда и по ним отменил, а землю родичам нарезал под Рязанью и Владимиром.

Побувавшись над будущим объёмом работ, воевода вызвал подьячего Замятия Симанова и отправил того в Пурецкую и Жарскую волости составлять дозорные книги. Замятий, несмотря на свои сорок с хвостиком лет, был человек на подъем лёгкий. Уже через седмицу он с писарем Поместного приказа Козьмой Семёновым прибыл в село Вершилово, центр Пурецкой волости и Пурецкого же прихода. Храм в Вершилово был деревянный, клетский и безглавый, то есть несколько срубов (клетей) жались друг к другу под двускатными крышами.

Настоятель храма дышал на ладан, уже и не вставал с постели, но епархия его не меняла: наверное, нечем было. Замятий в дела церкви не лез. Забрал у служки приходские книги и начал объезжать деревеньки и погосты да починки. Месяц и ушёл.

Всего в Пурецкой волости за князем Дмитрием Михайловичем Пожарским числилось восемнадцать поселений. Самым крупным было Вершилово, в нем было без одного двадцать дворов. Закончив с Пурецкой волостью, подьячий перебрался в Жарскую. Территориально Жарская волость находилась на правом берегу реки Волги, «позади Балахны», то есть западнее уездного города. С запада волость граничила по немежёванным рубежам (считающимися «по старине») с Гороховецким уездом. Межа проходила среди лесов и болот. С северо-запада небольшим участком она прилегала к Мыцкому стану Суздальского уезда, а с севера – к Пурецкой волости Нижегородского уезда. На востоке естественным её рубежом служила Волга с сенокосными угодьями по берегам и островам, а с юго-востока подходили земли Пырской волости – вотчины Троице-Сергиева монастыря. С юга лесные угодья Жарской волости смыкались с лесами Стрелицкого стана Нижегородского уезда. Поселений в ней было не меньше, чем в Пурецкой, духовным центром же Жарской волости считался Погост Сукатов.

По окончании дозора, сложив перед собой уже в Балахне стопки исписанных листов и приходские книги, Замятий Симанов записал в дозорной книге:

«1618 г. Дозорная книга Пурецкой и Жарской волостей Балахнинского уезда письма и дозора подьячего Замятии Симанова. Книги по челобитью вязмичь и дорогобужан.

Лета 7126 году, августа в день 21, по государеву цареву и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси указу, и по наказу государева воеводы Микиты Михайловича Пушкина, Замятия Симанов, взяв с собою тутошних сторонних людей, попов и дияконов, старост и целовалников, и лутчих крестьян, и с теми сторонними людьми, приехав в Балахонской уезд в Пурецкую волость и в Жарскую половину, по челобитью вязмич и дорогобужан дворян и детей боярских, дозирал и переписывал села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и в них дворы, и во дворах людей по именам, и пашню пахану, и переложную, и сено, и лес, и всякое угодье, и какова где земля: добра ли, или середняя, или худа, и по сколько чети на выть пашни пашут.

За Дмитрием Григорьевым сыном Нарматцким в поместье Шалимова, а в ней крестьянских дворов: Ортюшка Исаев, Микифорко Игнatieв, Тренка Микитин. Да бобыльских дворов: Петрунка Ондронов, Селиванко Григорьев. Пашни паханы четверть с осминою в поле, а в дву по тому ж, да перелогом и лесом поросло двадцать одна четверть с осминою в поле, а в дву по тому ж. Земля худа. Да к той же деревне Шалимове сенных покосов на Усове от Хмелевских на Волге три десетины. Да к той же деревне Шалимове (пустошь) Кумохина, пашни перелогом и лесом поросло одиннадцать чети в поле, а в дву по тому ж. Да к той же пустоши Кумохинской сенных покосов на Большом острове на взгорье полторы десетины.

За Борисом Дмитриевым сыном Бортенева в поместье Федотова, Федосовская тож, а в ней крестьян: Офонка Павлов сын Кокорев, Офонка Иванов, Ивашко Иванов, бобыль Ивашко Олександров. Пашни паханые осмина с малым четвериком в поле, а в дву по тому ж, да перелогом и лесом поросло двадцать пять чети в поле, а в дву по тому ж. Да за ним же деревня Ткалыно, а в ней крестьян: Исачко Сергеев, бобыль Митка Григорьев. Пашни паханые осмина с малым четвериком. Земля худа. Да перелогом и лесом поросло осмнадцать чети с осминою в поле, а в дву по тому же. Да к тем же деревням (пустошь) Тюшманова, пашни перелогом и лесом поросло три четверти в поле, а в дву по тому ж.

За Олександром Дмитриевым сыном Челюсткиным в поместье Бородулина, а в ней крестьян: Мартынка Титов, бобыль Иваска Левонтиев, бобыль Марко Олександров. Да к той же деревне Бородулине сена по реке по Волге десетина. Да за ним же в деревне Хмелеватой, а в ней крестьян: Максимко Софонов, Трешка Елизаров, Филип Суботин, бобыль Сергейко Григорьев, Захарко Иечяев, Гришка Иванов. Пашни паханые в обеих деревнях две чети без полуосмицы в поле, а в дву по тому ж. Пустошь Тредвориппая, пашни перелогом и лесом поросло в деревнях и в пустошах пятьдесят чети с полуосминою в поле, а в дву по тому ж. Да в деревне Хмельнинской сена на Попове острове две десетины без малые четверти десетины.

За Васильем за Горелковым сыном Оперкиева в поместье Онцыфорова, а в ней крестьян: Дружинка Федотов, Васка Онисимов, Степанко Неупокоев, пуст, Степанко Симанов, бобыль Волотка. Пашни паханые четверть в поле, а в дву по тому ж, да перелогом и лесом поросло семнадцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Деревня Черницыно, а в ней крестьян: Карпунка Дмитриев, бобыль Ларка Григорьев. Пашни паханые осмина в поле, а в дву по тому ж, да перелогом и лесом поросло четырнадцать чети в поле, а в дву по тому ж. Пустошь Медведково, пашни перелогом и лесом поросло семь чети. Да к той же пустоши Медведкове сена по реке по Трестяне десеть копен, да за Черною десетина, да к Черницынай сена три десетины. Да за ним же половина пустоши Степановы, а Дранишниковая тож, перелогом и лесом поросло четыре четверти с осминою, сена десеть копен, да в отходе на острову на Щукоборе десетина».

Всей книги получилось двести пять листов. Это был труд. Симанов его сделал, сделал быстро и хорошо. Он был собой доволен. Воевода Пушкин отписал в Поместный приказ, что челобитная вязьмичей и дорогобужан удовлетворена полностью, заодно составлена дозорная

книга и Пурецкой волости со всеми восемнадцатью поселениями. Всего за Дмитрием Михайловичем Пожарским числилось сто шестьдесят пять крестьян.

Событие четвёртое

Иван Сокол отделился от войска Ивана Заруцкого ещё в начале 1614 года. Казна дончаков находилась в Самаре, сам же Заруцкий вынужден был отступить к Астрахани. А казну как раз и оставил на одного из своих помощников, Ивана Сокола. К тому как раз подошло почти пятьсот казаков с Дона, дабы сходить за зипунами в Казань.

Иван самоубийцей не был. Путь на юг был отрезан боярином Иваном Одоевским, с запада подходили войска окольного Семёна Головина, оставалась только дорога по Волге на север. Казна была огромна. Заруцкий за семь лет Смуты нахапал золота и серебра столько, что потребовались две ладьи, чтобы всё это перевезти.

Вся флотилия Ивана Сокола насчитывала сорок судов – всё, что плавало по Волге в районе Самары и ниже до Саратова. Немного не доходя до Казани, флотилия разделилась: большая часть, опасаясь царёвых войск, ушла по Каме на север, а сам Сокол с казной и сотней казаков на семи ладьях ушёл к Нижнему Новгороду, а оттуда, попав в Оку, дошли до Гороховца.

Приближалась осень, нужно было искать место для зимовки. Посовещавшись, казаки ещё раз поменяли направление и теперь уже по Клязьме дошли до Клязьминского городка. В сам город не пошли, а заняли село Санниково сорока километрами южнее.

Больше года казаки грабили окрестные деревни и мелкие городки, в том числе и Ковров. Потом переместились в другое село, Мстёра, что чуть севернее тракта, соединяющего Владимир с Нижним Новгородом. Грабили проезжающих купцов, мелкие деревеньки, совершали набеги на монастыри – так и ещё два года прошло. Было несколько недовольных, требовавших разделить казну и отправиться по домам на Дон, но Сокол понимал, что сейчас, с теми силами, что у него остались, этот план неосуществим.

От купцов он знал, что Заруцкого посадили в Москве на кол, его ребёнка от Марины Мнишек тоже казнили, а сама Марина в конце 1614 года умерла в темнице. Про судьбу казаков, что ушли вверх по Каме, было известно мало. Часть нанялась к купцам Строгановым, большая же часть пошла за Урал, завоёвывать Сибирское царство.

Событие пятое

Иван Пырьев, стрелец полка Афанасия Левшина, был вполне доволен собой. Он сделал то, о чём они договорились с боярином Иваном Александровичем Колтовским. Ну, если быть точным, то не с самим боярином, конечно, а с его дворовым, боярским сыном Тимофеем Ивановичем Ракитным.

Началось всё с того, что его вызвал пятидесятник Тимофей Струнка и велел «конно и оружно», с запасом еды на седмицу прибыть поутру на двор к князю Пожарскому. Надо будет сопровождать княжонка Петра Дмитриевича в их новую вотчину в Нижний Новгород. Это уже было большой удачей. Да что там удачей – это было огромным подарком.

Поляки Ходкевича и королевича Владислава, который именовал себя «Царём Московским», стояли под самой Москвой, и со дня на день в полку ждали отправки под Боровск, на помощь князю Лыкову. Ляхи с немцами рубились жестоко, не на жизнь, а на смерть, и выжить в той мясорубке было очень проблематично. А тут поездка в Нижний, по вполне безопасной дороге до Владимира, подальше от ляхов, и чуть более опасная от Владимира до Нижнего Новгорода: там пошаливали ещё, по слухам, казаки Заруцкого.

Иван надел недавно справленный по случаю выдачи пяти рублёв за прошлый год светло-зелёный кафтан с чёрными петлицами и жёлтой подкладкой, нахлобучил набекрень малиновую шапку, отороченную черным почти мехом волка, натянул жёлтые сапоги и в этом парадном виде отправился в Китай-город, чтобы купить овса пегому жеребцу и себе на дорогу пару буханок ржаного хлеба и копчёного мяса. В Нижний он, естественно, ехать в парадном кафтане не собирался, у него было почти новое носильное платье зеленовато-жёлтого цвета и неплохие ещё сапоги из жёлтой же кожи, не такие форсистые, как парадные, но всё не лапти.

На торгу к нему и подошёл Тимофей Ракитный. Тимофея стрелец знал, их дома стояли почти рядом на Гороховой улице. Как оказалось, боярский сын хотел просто спросить, кто из стрельцов отправится сопровождать княжича в Нижний, и попал как раз в точку. Вот тогда-то судьба и улыбнулась Ивану Пырьеву во все свои тридцать два зуба. Когда Ракитный рассказал, что надо сделать, Иван посмотрел на него как на дурачка юродивого. Нужно было известить сына Дмитрия Михайловича Пожарского Петра. Того самого княжича, которого ему с ещё девятнадцатью стрельцами нужно было проводить до Нижнего Новгорода. Только вот когда змей-искуситель назвал сумму, обещанную боярином Колтовским за смерть княжонка, Иван снова посмотрел на боярского сына как на дурочка. Сумма была огромная. Сто рублёв. Столько стрелец мог заработать за всю жизнь, и то только в том случае, если доживёт до седой бороды. И убить надо было не саблей и даже не пищалью, а влить ядовитой настойки в питье княжичу.

Иван долго не ломался, взял двадцать рублей задатку, взял красивый, вырезанный из камня флакончик с туго притёртой пробкой из того же камня, взял заранее приготовленную расписку, что податель сей грамотки может получить с боярина Колтовского восемьдесят рублёв или товара на эту сумму после исполнения дела, обоим известного, и откланялся. Удача просто решила закидать Пырьева своими подарками. И это ведь было ещё не всё.

Утром следующего дня, ещё и петухи не прокричали, их десяток с десятским Козьмой Шустовым и десяток из их же сотни с десятским Афанасием Бородой стоял у ворот княжьего терема и весело переругивался, предвкушая скорый отъезд из Москвы и весёлую дорогу. Княжич и вышел к ним с первыми петухами.

Иван думал, что княжонок совсем малец, а оказалось, что Петру Дмитриевичу скоро стукнет тринадцатое лето. Был он явно в отца, роста уже выше половины стрельцов, его поджидающих, но ещё тонок в кости и безбород, даже и юношеского пушка над верхней губой ещё не пробивалось. Одет Пётр Дмитриевич был в походный кафтан, почти без всякой мишуры, из зелёного добротного сукна, в зелёной же шапке с чёрно-бурой лисы оторочкой и в зелёные,

как в полку Фёдора Лопухина, сапоги. На левом боку была сабля в ножнах, обтянутых такой же кожей, что и сапоги. Ивану этот боярский сынок сразу не понравился: во-первых, потому что его надо будет убить, а во-вторых, из-за того надменного выражения, с коим княжонок их оглядывал, словно холопов своих. Ничего, поглядим через несколько деньков, кто холоп, а кто живой.

Правда, то, что случилось дальше, несколько изменило мнение Пырьева о княжиче. Тот подошёл к каждому из стрельцов, поинтересовался здоровьем и семейными делами и дал приказ заменить из десятка Афанасия Бороды двух немолодых уже стрельцов. Афанасий с забраванными отправился, подстёгивая коней, в полк, а княжич пригласил стрельцов на двор, где уже запрягали в телеги по паре крепких лошадей, и выдал всем по испанской пищаля – мушкету. Оружие было не парадное, боевое, без лишних позолот и узорочья, не тяжелее их пищалей, но длиннее чуть не на пол-локтя. К мушкету была и лента с газырями, или «берендейка», с белой кожи ремнём. Весил мушкет полпуда и был весь какой-то хищный, чужой.

Тут же стрельцам было предложено выбрать на конюшне купленных вчера на рынке специально для похода заводных коней. Коней было ровно два десятка, по количеству сопровождающих княжича стрельцов, и давали их только на дорогу до княжых вотчин, но что это были за кони! Польские дестриэ, иначе называемые першеронами. Настоящий боевой конь огромного размера и ценой больше двух десятков рублей. В последнее время, когда ляхи завладели практически всей западной и юго-западной Русью, эти великаны всё чаще попадались на продажу и в Москве, но чтобы целых два десятка!.. Это всю Москву надо объехать, чтобы столько купить. Сколько же стоят эти два десятка жеребцов? Рублёв пятьсот, не меньше. Эх, себе бы такого. А и будет, вот потравит он боярича, и на те восемьдесят рублей, что причитается с Колтовского, купит себе такого жеребца и пару кобылок под стать, займётся разведением першеронов, выгоднее дела и не сыскать.

Уже подобрав себе вороного великана, Иван заметил, что княжич, верно, мыслит в схожем направлении, и в телеги запряжены в основном кобылы, и тоже не малых статей. Два десятка жеребцов под седлом и два десятка кобыл, запряжённых в десяток возов. Не дурак княжонок. Только вот ничего у него не получится, отдаст богу душу раньше, а у него, Ивана Пырьева, получится. Должна же быть справедливость, а то одним всё, а другим ничего? Вот он, Иван, эту справедливость и восстановит.

Выехали через час. Скакали весь день, почти без отдыха, так только, коней покормили, сами перекусили наспех, не разводя огня. Стремилась подальше убраться от беспокойных окрестностей Москвы. Ночевали в поле. Для княжича разбили небольшой шатёр, а сами устроились под попонами, благо осень ещё и не началась толком.

Без приключений в дороге не обошлось. На второй день навстречу им попался большой казачий отряд. Быть бы им убитыми и ограбленными, но тут произошло почти чудо. Узнав, кто они и кого везут в Нижний, казацкие атаманы посоветовались и сказали, что если бы не Пётр Дмитриевич Пожарский, приняли бы стрельцы смерть неминуемую; Дмитрия Михайловича они уважают, а потому трогать не станут охрану сына того, а напротив, дадут до Владимира в провозатые десяток казаков побойчее.

Вот в одном переходе от Владимира, когда десяток казаков отклонялся пополудни, а стрельцы с княжичем устроили привал, Иван и умудрился подлить княжичу в сваренный тут же сбитень настойки из каменного флакончика. Флакончик был хорош, стоил, наверное, не меньше пары рублей, даже без содержимого, и Пырьев не стал его выбрасывать, как наставлял его боярский сын Ракитный, а спрятал в сено одной из телег.

Когда свернули привал и тронулись дальше, с княжонком и случилась беда: он, проехав с полверсты, вдруг сполз с коня и упал в траву без движения. Все бросились к нему, стали поднимать и приводить в чувство, но всё без толку. У боярича был жар, и он бредил что-то про проклятых охотников.

Всю ночь у его изголовья дежурил кто-нибудь из стрельцов, меняя мокрую тряпку на лбу и давая хлебнуть отвара из трав, сваренного стрельцом из десятка Афанасия Бороды, который был в сотне за лекаря, так как был сыном травницы тётки Прасковьи, известной, считай, на всю Москву.

А утром Ивана Пырьева, уже примерявшего на себя во сне одежды почитаемого во всей Москве коннозаводчика, ждало разочарование. Он проснулся от непонятного гомона. Стрельцы стояли вокруг княжича и, открыв рты, смотрели на невиданное. Отрок, голый по пояс, в одних портках, махал руками и ногами, да так ловко, а потом упал на мокрую от росы траву и стал отжиматься.

Да, решил Иван, снадобье сработало неправильно: Пётр не умер, а сошёл с ума.

Событие шестое

Афанасий Иванович Афанасьев продирался из липкого сна с большим трудом. Снилось ему, что он будто бы сын Дмитрия Пожарского и бьёт он челобитную царю, а царь отправляет его в ссылку, в вотчину батюшки, в деревню под Нижний Новгород. Сон был яркий и очень длинный, всё никак не заканчивался. Потребовалось немалое время, чтобы вынырнуть из него. Только это выныривание ничего хорошего не принесло. Он лежал в странной просторной палатке, примерно как армейская на одно отделение, но совершенно неправильной формы, почти круг, вернее, скорее овал. И цвет был далеко не хаки. Дурацкий красно-оранжевый с намалёванным кое-как гербом Москвы. Какая-то туристическая палатка.

Хуже всего было то, что рядом сидел и откровенно дрых дневальный, только одет был нерадивый солдат в серый матерчатый плащ непривычного покроя, да ещё и с круглыми медными пуговицами просто ужасающих размеров – такие медные шарики для пинг-понга.

Во рту была сушь, и генерал потянулся к полному керамическому стаканчику с коричневатой жидкостью, стоящему в изголовье на небольшом бочонке. Это был не чай – отвар из трав, горьковато-кислый и совсем без сахара. Опуская стаканчик назад, Афанасий Иванович сфокусировал зрение на руке и вспотел аж. Рука была детской, может юношеской, тонкой, белой, без даже следов загара. Мозг попытался отключиться, но генерал ему это не позволил. Опять сон про молодого Пожарского?

И вот тут на него нахлынули воспоминания Петра. Яркие, красочные, словно фильм про-сматриваешь. Длилось это минут пять. Когда демонстрация фильма закончилась, Афанасий Иванович вытянулся на ложе из сосновых веток, закрыл глаза и задумался.

В последнее время он прослушал несколько десятков аудиокниг про попаданцев в прошлое России. Старый офицер переживал за страну: то, во что её превратили демократы, Россией не было, «рашка-федерашка» – это самое подходящее для неё название. То, что столетиями, ценой миллионов жизней приобреталось, было отдано на поругание америкосам одним пьяницей. Каждый раз, вспоминая Борьку-алкоголика, хотелось выкопать его из могилы, зарядить в пушку и, как Лжедмитрием, выстрелить как можно дальше, желательно, чтобы до США долетел. Поэтому книги, где попаданцы делали страну сильной и громили Англию, Германию, Японию, да и Штаты, ложились на подготовленную почву.

Получается, что и он попал в прошлое. Дмитрий Михайлович Пожарский, князь, неоднократно выручавший страну во времена Смуты, его отец, а он сам – Пётр Дмитриевич Пожарский. Сейчас ему без двух месяцев тринадцать лет. И едет он в вотчину отца в Пурецкую волость Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Размеры новой вотчины были 3500 четей, что соответствовало приблизительно 1900 гектарам, и располагалась она на западном, правом берегу Волги, немного севернее самого Нижнего Новгорода. Было в новых владениях князя Пожарского около двадцати поселений, от приличного села Вершилово до починки из двух дворов. На этом географические и экономические познания Петра о новых владениях князя заканчивались.

Сейчас они с двадцатью стрельцами, отправленными царём для сопровождения его в отцову вотчину, из-за его болезни заночевали в двадцати верстах от Владимира. Афанасьев помнил, что верста чуть больше километра, метров на шестьдесят. Получалось, что от Владимира до Нижнего Новгорода ещё километров двести сорок – двести пятьдесят. При нынешних скоростях больше недели (седмицы) пути. Болезнь была странная, из воспоминаний Петра генерал выудил, что ехал он себе здоровёхонький, и вдруг ему стало плохо, всё закружилось, и он потерял сознание. Из своих воспоминаний Афанасий Иванович сделал вывод, что охотник его (сволочь эдакая) пристрелил-таки. Получается, княжонка отравили, а его неприкаянная душа вселилась в освободившееся тело юноши.

Ну что ж, расклад не самый плохой: молодое тело, княжеский титул, кое-какие знания по истории, в основном по битвам, заученным в Академии Генерального штаба. Что ещё из плюсов? Он может попробовать сварить стекло: когда работал заместителем генерального директора завода в Гусь-Хрустальном, пришлось выучить процесс производства стекла, хрусталя и изделий из них наизусть. Завод был очень старый, и мелкие аварии, на разбор которых он обязан был являться, случались очень часто. Поневоле освоишь всю технологию от подготовки шихты и устройства печей до гранения. Скорее всего, фарфор, фаянс и даже костяной фарфор он тоже сможет изготовить, главное – найти материалы. Год работы в Германии на фарфоровой фабрике помнился во всех деталях.

Сможет он и цемент сделать, ну и кирпич, скорее всего. Бумага? Тут сложнее, только то, что почерпнул у попаданцев. Придётся поэкспериментировать. Ткацкое оборудование? Все попаданцы в книгах начинали именно с него. Чесалку и ножную прялку изобрести он сумеет, а вот приличный ткацкий станок, да ещё с самолётным челноком... Ну, тоже придётся повозиться, теория-то ясна, а вот с мастерами и инструментами сложнее.

Оружие? Как устроен револьвер, пистолет и автомат с пулемётом Афанасий Иванович знал, но сделать их без приличного перечня очень точных станков и передовой металлургии невозможно. Станкостроение было явно не его коньком. Металлургия? Ну, кое-что из истории металлургии он помнил, те же попаданцы часто к ней обращались.

Химия. Тут совсем плохо. Школьные знания да рассуждения тех же заброшенных в средние века предшественников. Глаубер ещё молод, придётся изобретать азотную кислоту самому. Лет через десять нужно будет его найти и заманить в Россию (или Московию).

А кто ещё из великих учёных сейчас живёт? Кеплер через два года выиграет процесс у инквизиции и вырвет из её рук мать, обвинённую в колдовстве. Вот в двадцатом его и надо пригласить к себе. Галилей, он сейчас как раз сцепился с Ватиканом и иезуитами. Пока он в обиде на всю Европу, его тоже можно затащить сюда.

Торричелли ещё пацан, пусть учится. Когда повзрослеет, нужно будет осуществить его мечту и соединить их с Галилеем в тандем. Его учителя, Кастелли кажется, тоже надо будет забрать. Паскаль ещё не родился. А вот Декарту сейчас около двадцати лет, его нужно будет вывозить из Европы с её Тридцатилетней войной обязательно, пусть творит во славу России. Пожалуй, больше никто и не вспоминается.

Что ещё? Сельское хозяйство. Из воспоминаний Петра Пожарского всплыло, что тот решил в папенькиной вотчине разводить польских великанских лошадей дестриэ. Это осуществим обязательно. Нужно будет завезти из Европы картофель, перец, баклажаны, подсолнечник и кукурузу. Где-то лет через пятнадцать в Голландии начнётся тюльпаномания, нужно к ней успеть и погреть на ней руки; значит, придётся раскошиться сейчас и закупить пёстролепестные и тёмно-красные тюльпаны.

Китайский чай сейчас идёт в Европу в том числе и через Россию. Нужно будет известную авантюру с копорским чаем попробовать провернуть сейчас. Хорошо бы ещё из Шотландии и Испании завезти овец. Шерстяная ткань на механических станках – основа всей экономики попаданцев. Ещё нужно будет повспоминать про одуванчики, Сталин из них резину делал в годы первых пятилеток.

На этом месте Афанасия Ивановича прервали.

Событие седьмое

– Княжич, жив! Здоров ли? – проснулся и увидел его открытые глаза стрелец, дежуривший у изголовья.

– Поздорову, – попробовал своё знание языка и голос заодно Афанасий Иванович.

Язык серьёзно отличался от современного русского, какая-то новгородско-украинская смесь, но вместе с памятью княжича Петра к генералу пришло и знание этого языка, как устного, так и письменного.

– Испей вот взвару целебного. – Сын травницы Прасковьи Фома Лукин зачерпнул из глиняной миски уже испробованного болезным напитка глиняным же стаканчиком и протянул Петру.

Афанасий Иванович выпил весь предложенный лечебный напиток и поднялся с лежанки из веток.

– Полежал бы, чай, болезный, – сделал попытку придержать княжича стрелец.

– На том свете належимся, – отстранился Пётр и сел на лежанке.

В теле чувствовалась ещё слабость, даже голова слегка закружилась, но генерал стиснул зубы и поднялся. Рубаха была мокрой от пота, он её стянул через голову и вышел из шатра в одних портках. Утро было по-осеннему прохладно, на траве поблёскивали в лучах поднимающегося над лесом солнца росинки. Заливались нестройным хором птицы, пахло костром, двое стрельцов готовили в большом горшке кашу с мясом. Благодать.

Ну, про благодать, наверное, Пётр Дмитриевич подумал, а вот Афанасий Иванович подумал, что надо бы проверить, на что способно его новое тело. Вспоминая молодость, бывший учитель первых десантников Советского Союза проделал несколько катов и в кульбите упал на траву отжаться. Растяжка у княжича была так себе. Натренированность мышц на длительное упражнение – ещё хуже; барчук, одно слово. Отжавшись пять раз на левой руке, пять раз – на правой, а потом – два десятка на обеих, Пётр рухнул в мокрую траву. Стыд и позор.

– Пётр Дмитриевич, да в тебя во время хвори, никак, бес вселился? – Вокруг поднявшегося княжича стояли все стрельцы и подозрительно перешёптывались, общую мысль высказал десятник Афанасий Борода.

– С чего ты решил? – Пётр (будем теперь называть его так) постарался как можно более грозно глянуть на стрельцов: нельзя терять лицо, он – князь, а кто такой стрелец перед князем?

– Так руками, ногами машешь, ну чисто юродивый... – Борода стушевался под взглядом, зато вылез вперёд здоровенный детина с двумя выбитыми передними зубами (наверное, кулачный боец), кажется, Фома Исаев.

– Это казацкие ухватки, – вспомнив истории про попаданцев, уверенно ответил ему Пётр и добавил: – Ты, я смотрю, боец кулачный, может, сойдёшься со мной один на один, я тебе ухватки и покажу.

Генерал решил, что самое время заводить друзей среди стрельцов: уважают не только родовитого, но и сильного.

– Что ты, княжич, ты хворый – я здоровый, ты выюнош – я муж опытный. Ты, может, чего у казаков и нахватайся, а я с десятков лет лучший поединщик в полку... – Детина снисходительно улыбнулся.

– Забоялся, значит, – решил подначить того Пётр.

– Нет, Пётр Дмитриевич, просто неуместно: зашибу, а меня потом на кол. – Громила не повёлся.

– А я вот, думаю, Фома, что боишься ты перед товарищами проиграть мальцу.

Поединок был теперь нужен в любом случае, даже если попаданец его и проиграет.

– А что, Фома, надери уши княжичу, раз сам нарывается, – закончил спор десятник Фомы Козьма Шустов.

Стрельцы неодобрительно загудели, но расступились, давая бойцам место для поединка. Образовался круг диаметром метров десять. Пётр ожидал, что Фома примет какую-никакую стойку, но тот расставил руки, словно хотел завалить девку на сеновале, и попёр вперёд. Нырок в кульбите вперёд, под ноги, удар в солнечное сплетение, уход вправо, ножницы и добивающий ладонью в ухо. Нет. Тело было не то, слишком лёгкое, не гибкое – барчук, словом. Но Фома был в нокауте. Только через минуту он встал на колени и затряс головой.

Всё это время стрельцы не проронили ни слова; ни одобрения, ни осуждения, ничего. Пётр ждал. Ещё через минуту Исаев поднялся на ноги и опять попёр на княжича. Никаких выводов не сделал. Обманное движение влево, захват левого рукава и бросок через плечо с колен. Нет, блин, вес не тот. Амплитуда получилась аховая, дух из Фомы не выбила, но упал тот красиво, на спину, во весь рост.

Подниматься стрелец не спешил, лежал, смотрел на небо и переоценивал ценности. Пётр подошёл к нему и подал руку, помогая подняться.

– Пётр Дмитриевич, а не научишь и меня тем ухваткам? – Чемпион полка был не посрамлён, а удивлён.

– Почему не научить? И тебе на пользу, и отечеству, – широко улыбнулся юноша.

Выехали через час. Позавтракали, свернули бивак и, не мешкая, тронулись. До Владимира было вёрст двадцать, и по свету нужно было обязательно добраться, не перед закрытыми же воротами ночевать. Даже обеденный привал не делали, покормили лошадей, схарчили сами по куску хлеба, последнего, кстати, и снова в путь. Часа в три пополудни и подъехали к посадам Владимира.

Город стоял на правом берегу Клязьмы и оброс пригородами и посадами на несколько вёрст. К городским воротам добрались одними из последних, их уже начали закрывать, но отряд стрельцов с подорожной от самого царя впустили без пререканий, указав, где двор воеводы и где нужно остановиться самим стрельцам. Воеводой во Владимире был Дмитрий Иванович Волховский. Был он человеком заслуженным, даже получил похвальную царскую грамоту за освобождение Муром и защиту Владимира от изменников.

Событие восьмое

Воевода города Владимира Дмитрий Иванович Волховский проснулся ни свет ни заря, только петухи горло продрали, и он снова погрузился в сон, как тут на дворе поднялся шум, брехали собаки, и кричал на них псарь Федотка.

Что ж за седмица-то такая выпала, пожаловался сам себе воевода и, став на колени перед образами, принялся молиться. Только прочитанная пару раз молитва «Отче наш» и один раз «Пресвятой Троице» шум за стенами терема не уняли. Пришлось, кряхтя, подниматься и выходить на крыльцо.

Увиденное выбило дух из воеводы. Горе-то какое. Прибывший вчера поздно вечером сынок князя Дмитрия Михайловича Пожарского Петруша с ума сверзился. Ох, горе-горюшко родителю. Волховский князя Пожарского знал хорошо и ценил за преданность царю и радение отечеству. Сынка его Петю он тоже видел один раз, когда в 1614 году весной князь перевозил семейство из Нижнего Новгорода в Москву. Старший сын князя был тогда мал и соплив.

Вчерась двое стрельцов забарабанили в ворота и на вопрос ключника, чего им спокойно не живётся, обсказали, что сопровождают княжича Петра Дмитриевича Пожарского в вотчину отцову по приказу самого царя и государя Михаила Фёдоровича. Волховский с семейством только повечеряли и уже ко сну собирались, но ради такого гостя снова накрыли стол и усадили за него князюшку.

Молодой Пожарский вёл себя скованно и, отдав должное угощению, попросился почивать, но был с виду вполне здоров. А сейчас व्यюнош вытворял чёрт знает что, свят, свят, свят. Петруша махал руками и ногами, прыгал, да ладно бы просто прыгал вверх или там в сторону – так нет, прыгал он, кувыркаясь через себя в воздухе почище любого скомороха. Потом княжич стал бить поклоны, да не просто так, а задевая затылком землю – так уже и скоморохи не умели. Что же теперь делать, как он сможет объяснить князю Пожарскому, почему, приехав здоровым к нему на двор вечером, утром ребёнок юродивым стал?

Федотке, наконец, удалось унять собак. Во дворе наступила гнетущая тишина. Вся дворня, все боярские дети и боевые холопы стояли во дворе и дивились на то, что вытворяет малец.

Сошлёт царь в Берёзов, решил для себя воевода и, троекратно перекрестясь, двинулся, распахивая дворню, к княжичу.

– По здорову ли, Петруша? – На внятный ответ Волховский не надеялся: известно, что юродивые плетут невесть что.

– Спасибо, Дмитрий Иванович, по здорову. Это я тренировку провожу. – Юноша широко улыбнулся.

Ответ был сказан внятно, но полной ясности в ситуацию не внёс.

– Что же это за тренировка такая, где надо бесом скакать? – поинтересовался воевода.

– Это, Дмитрий Иванович, казачьи ухватки, – выдал уже апробированную версию бывший генерал.

– Вот как. И что же это за ухватки такие? – Воеводе полегчало, так как отвечал молодой Пожарский вполне разумно, а значит, ссылка в Берёзов откладывалась.

– А хотите спор, Дмитрий Иванович? Выставьте против меня двух поединщиков на учебных саблях, и если они меня побьют, то я отдаю вам своих коней и пятьдесят рублей, а если я с помощью своих ухваток их побью, то вы мне – десять хороших самострелов и провизии до Нижнего Новгорода на два десятка стрельцов, что меня сопровождают.

Сказано всё было по-русски, только смысл сказанного дошёл до воеводы не сразу. Нет, зря он радовался, всё-таки не здрав рассудком княжич, и Берёзова на старости лет не избежать.

– Может, поснедаем и лекаря кликнем, – сделал последнюю попытку Волховский.

– Дмитрий Иванович, я совершенно здоров, и пока слуги на стол собирают, поединок закончится... – Пётр опять дружелюбно улыбнулся, как старший младшему.

И вот эта улыбка разозлила воеводу. Ну, погоди, бесёнок, сейчас получишь, может, тогда хоть успокоишься. Ишь, казачьи у него ухватки. Да ещё видел вчера Волховский, на каких жеребцах прискакал Пожарский. Два ляхских великана дистриэ, оба вороные, рублей по тридцать каждый.

– Митрий, – тихо прошипел Волховский стоящему рядом сотнику городского ополчения, – кликни Ерёму Свиблова и пана Заброжского. Пусть возьмут учебные сабли. И круг для поединка расчисти.

Поединщики вышли в круг минут через десять. Ерёма Свиблов был высокий и жилистый боевой холоп Волховского. От правого виска до скулы у него был шрам от сабельного удара и совершенно седая голова, как и усы, и борода, хотя на вид поединщику было не больше тридцати. Янек Заброжский был лях, самый что ни на есть настоящий, бритый под ноль, в дорогом светло-зелёном жупане, а на голове – шапочка «рогатывка» с оторочкой из соболя, разрезанной надо лбом. Длинные висячие усы, явно крашенные хной. Колоритнейшая личность для Владимира.

Видя удивление Петра, Волховский снизошёл до объяснения:

– Прибился к нам, какая-то пряха у него вышла с самим Ходкевичем, вот теперь скрывается от своих подале, рубака на саблях наипервейший. Не передумал ли, Петруша?

– Чтобы русские да ляхов злякались? Не бывать тому! – выдал, удивляясь себе, отставной генерал и принял из рук Митрия учебную саблю.

Дворня оживлённо переговаривалась, предвкушая забаву. Учебные поединки на дворе воеводы проводились регулярно, и все к ним привыкли. Тут же было совсем другое дело: против двух лучших бойцов, в том числе и заносчивого ляха, выходил совсем мальчишка, да ещё и сын известного князя Пожарского, спасителя Москвы от ляхов. Все ждали зрелища.

Пётр надел нательную рубаху и закатал рукава. Фехтовать он толком не умел, тем более как природный шляхтич: не тому учили. Так он и не собирался.

Противники шагнули к нему одновременно, Ерема – на полшага впереди. Пётр шагнул влево, стараясь уйти от двух ударов одновременно, затем, когда соперники чуть изменили направление, разгадав его уловку, он обозначил ложный удар, наоборот, сделал два быстрых шага влево и выстроил их всё-таки в одну линию. Пора было заканчивать поединок. Он подставил под удар Свиблова саблю, и когда тот наотмашь рубанул по ней, чуть провалившись вперёд, Пётр подскочил под его левую руку и врезал кулаком в пах бедняге. Кувырок вправо, в ноги ляху, и удар концом сапога в левую голень противника. Так, теперь подняться и встретить удар саблей.

Поляк был хорош, он пропустил удар в голень, но устоял на ногах и успел прикрыться от удара саблей по правой руке. Ответный выпад Пётр пропустил: ну не фехтовальщик он, да и поляк был очень хорош. Сабля вылетела из рук учителя первых десантников, и лях уже вздымал руки, предвкушая победу. Пётр сократил дистанцию, схватил поляка за левую руку, выбил из того дух ударом коленом в солнечное сплетение и, уже падающему, добавил кулаком по лопатке.

Когда лях, пропахав носом землю, остановился, бывший генерал вывернул ему руку назад и взял милицейским приёмом кисть на излом. Янек завизжал, как недорезанная свинья, прокричал все положенные ругательства по-польски про псов и затих, так как малейшее движение грозило сломанной кистью. Всё. Поединок окончен. Прошло всего полторы минуты. Ни тебе звона сабель, ни красивых па. Не танцы чай. Суровая правда спецназа, никакой красоты, голая эффективность.

– Сдаёшься, пан? – поинтересовался княжич у поверженного противника и, выслушав утвердительное бульканье, отпустил руку.

За обедом всё семейство Волховских сидело смирно и о поединке не вспоминало. Княжич позавтракал, выбрал десяток арбалетов, сказал, что ужасно рад возобновить знакомство и, забрав подводу с продуктами, убыл со своими стрельцами, наотрез отказавшись передохнуть после дальней дороги денёк-другой. Воевода был ужасно доволен всем, что произошло.

Во-первых, он теперь сможет отписать князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому грамотку, что достойный сынок у того подрастает и что отправил он того в целости и сохранности в родительскую вотчину, снабдив провизией на дальнюю дорогу. Во-вторых, он сможет отправить грамотку и царю-батюшке, что всемерно помог Петру Пожарскому и оружием, и провизией, и даже провожатого дал до Нижнего Новгорода. В-третьих, он избавился, наконец, от заносчивого ляха. Тот по предложению княжича согласился поехать в княжескую вотчину учить отроков и прочих охочих людей владению саблей, а сам будет учиться у княжича новому боевому стилю – «ухваткам». Лях и Волховскому обещал выучить его холопов сабельной рубке, но рубился больше с бабами на сеновале да с кабатчиками. Лях с возу – городу Владимиру легче.

Событие девятое

Стрельцы, пока княжич гостил у воеводы, поспрошали на торгу купцов о дальнейшей дороге на Нижний. Путь был длиной в двести пятьдесят верст, и на этом пути в двух местах, где-то на полдороге, чуть не доезжая Вязников, орудовала шайка атамана Сокола, а за Гороховцом, возле озера Пырское, – русско-татарская шайка Медведя. В целом же дорога и без этих двух больших шаек была беспокойная: после Вязников орудовали и мелкие разбойничьи ватажки, так как время беспокойное – Смута. До самих же Вязников дорога была вполне безопасна: казаки атамана Сокола конкурентов повыбили с той стороны, а воевода – со стороны Владимира. Было до тех Вязников больше ста вёрст.

Пётр ехал на вороном жеребце в центре немалого каравана. Сначала – десяток стрельцов, за ними – все их одиннадцать возов, потом – княжич с ляхом и его слугой Мареком, в хвосте колонны – снова десяток стрельцов. Чуть ли не на четверть версты растянулись.

Княжич ехал и размышлял. Было два основных вопроса. Тех самых. Кто виноват и что делать? Первый делился на целую кучу подвопросов. Кто на него покушался? Тут понятно, кто-то из стрельцов. Только вот кто именно? Зачем? Тоже понятно, подкупил боярин Колтовский, других врагов у Петра просто не было. Что делать? Либо выявить и убить, либо выявить и перекупить. Второй вариант гораздо лучше: будет свидетель на суде, если таковой случится. Как выявить? Хороший вопрос. Будем посмотреть. Будут ли повторные попытки отравить или убить иным способом? Хороший вопрос. Будем подождать. Ну и поостеречься надо. Пить и есть нужно будет только вместе со стрельцами и из общей посуды, желательно чуть позже остальных. Что можно ещё предпринять? Нужно попробовать всё-таки перекупить убийцу. Объявить на привале, что отравитель, если он с глазу на глаз признается, то получит в два раза больше, чем обещал Колтовский.

Теперь вторая группа вопросов из серии «Кто виноват?». Какого лешего он вечно ввязывается в поединки? Ответ вроде бы тоже на поверхности: юношеские гормоны Петра. Что делать? Следить за языком.

Сто вёрст до Вязников. Получается, что на них могут напасть на третий день. Могут, возможно, и не напасть. Два десятка стрельцов. Не войско, конечно, но ведь тогда разбойников должно быть не меньше тридцати-сорока. А чего мы хотим: чтобы напали или чтобы не напали? Очень хочется пожить ещё в новом молодом теле. Но. Нужно для всех его планов где-то брать деньги. Лучшего варианта, чем экспроприация экспроприаторов, не придумать. Банда атамана Сокола, по слухам, бесчинствует на этой дороге больше трёх лет, должна быть у атамана неплохая заначка.

Как нападают разбойники на обозы? По кинофильмам, подрубают большое дерево и валят перед первой телегой. Затем обстреливают из кустов и остатки охраны уже берут штурмом. Вывод. В первых двух телегах должны быть вооружённые до зубов стрельцы, и их не должно быть видно, чтобы не подставиться под выстрелы. Вопрос легко решаемый: нужно завалить стрельцов корзинами и какими-нибудь мешками, набитыми сеном или травой. По пять стрельцов на телегу, каждому в руки – по заряженному мушкету, рядом положить ещё один заряженный мушкет и взведённый арбалет. От леса до дороги в месте засады будет не больше десятка метров, но если быть готовыми, то сделать эти три выстрела в набегающих казачков должны успеть. Ещё десяток стрельцов, лях и сам Пётр едут, чуть отстав от обоза, и при первых выстрелах на полной скорости спешат авангарду на помощь. Что ж, план неплох.

Вечером на привале Пётр Дмитриевич собрал всех в круг и план этот озвучил.

– Есть возражения? – закончил свой блестящий план вопросом княжич, уверенный, что услышит одобрительный гул голосов.

Куда там. Возражений было хоть пруд пруди. Самым же частым возражением было, что так воевать неместно: они, мол, царёво войско, а не тати, чтобы из засады нападать. Нужно принять честный бой и взять татей в бердыши. Бред. Полный бред.

– Вы что, юродивые все? – попытался пробиться к разуму этих «рыцарей» бывший генерал. – Они ведь разбойники, убийцы, у них руки даже не по локти в крови, а по самые плечи, они три года грабят купцов, разоряют деревни и городки, они даже на церкви и монастыри нападают. Это не люди. Это специально из ада прислали чертей в людском обличье, чтобы род человеческий извести. Для них даже кол слишком лёгкое наказание.

Проняло. Не всех и не сразу. Но через час план будущего сражения был намечен, однако с одним исправлением. На передней телеге будет не пять стрельцов, а три стрельца, пан Янек и Пётр. Они – лучшие бойцы: и стреляют лучше, и на саблях первейшие. На том и порешили.

На следующий день на привале все сделали по несколько выстрелов из мушкетов, выявляя самых проворных и самых метких. Отдача у этой ручной пушки была огромная, и княжич себе чуть ключицу не сломал. Оказывается, приклад надо не в плечо упирать, а зажимать под мышкой. Но приноровился быстро. Не хватало только мушки и целика. В будущем это нужно обязательно исправить.

С самого утра третьего дня были настороже, ждали засады. Пётр ехал на первой телеге, прикрытый двумя корзинами. В борту телеги был сделан небольшой заруб топором для лучшей фиксации ствола мушкета. Рядом лежал второй заряженный мушкет, так, чтобы его было удобно подтянуть правой рукой. Утром их засадный десяток немного потренировался, чтобы быстрее сменить разряженный мушкет на второй. Под левой рукой лежал взведённый арбалет, короткая стрела была воткнута в борт возка под правой рукой. Они должны были успеть сделать по три выстрела каждый.

Пётр слегка мандражировал. Именно не генерал-лейтенант воздушно-десантных войск, сотни раз бывавший в засадах, в том числе и в таких, на живца, а Пётр Пожарский, тринадцатилетний пацан с незнакомым оружием в руках и первой настоящей схваткой не на жизнь, а на смерть.

Началось, когда и ждать-то уже перестали. Всё как и намечалось. Треск падающего дерева, и из леса вылетают разбойники. Человек десять на лошадях, а следом – целая орава пеших.

– Целься в конных! – проорал Пётр и поднёс тлеющий трут к полке.

Бабах. Залп был нестройный, у кого-то мушкет выстрелил чуть раньше, у кого-то – чуть позже, но грохоту и дыму было предостаточно. Княжич подтянул второй мушкет, проверил порох на полке и снова поднёс трут.

Бабах. Этот залп даже залпом назвать было нельзя. Так, стреляли беглым огнём с двух передних телег. Генерал нашарил рукой арбалет, выдернул правой рукой стрелку из борта телеги и положил трясушимися руками её на ложе. Сквозь дым ни черта не было видно, кто-то орал, кто-то выл, ржали перепуганные кони. Полный Армагеддон. Наконец, дым чуть снесло ветром, и Пётр увидел набегающих казаков. Время было, он выбрал самого нарядного и, прицелившись, выпустил в того стрелу. Попал. Всё, отбросить арбалет и спрыгнуть с телеги.

Дым уже полностью снесло ветром. Конных казаков выбили всех, лошади бегут в сторону леса, одна бьётся в судорогах, достав копытом незадачливого станичника. До ближайшего пешего противника – метра три. Кувырок под занесённую в замахе руку и удар левым кулаком в промежность. Рывок в сторону, удар саблей по голени второму, кувырок вперёд. Подняться. Всё, все противники позади, развернуться и оглядеться. Удар по шее ближайшему. Наши верховые в лихой сабельной атаке метрах в пятидесяти – дело нескольких секунд. Прямо впереди Янек рубится с тремя. Подбежать и рубануть от души по спине в зелёном кафтане; один тать стал поворачиваться, почуяв угрозу сзади, но не успел.

– Сдавайтесь, сучьи дети, всех положим! – заорал во всё горло Пожарский.

И ведь подействовало. Казаки поняли, что попали в западню, и стали бросать сабли. На ногах их к тому времени осталось семь человек.

Событие десятое

Иван Пырьев огляделся. Всюду валялись раненые и убитые разбойники. Отдельной группой, зажатые в кольцо гарцующих всадников, толпились небольшой кучкой пленные.

– Борода, дай своим команду, чтобы пленным руки связали за спиной, – услышал стрелец команду Петра Пожарского.

Этот отрок, которого так неудачно попытался отравить Иван, был сущий бес. Он был везде, бегал по полю, осматривал убитых, добивал тяжелораненых, оказывал помощь двум своим раненым. Митюха Хромцов из десятка Бороды был ранен в руку, княжич сам стянул с него кафтан, разорвал рукав на рубахе, оторвал его и туго перетянул руку повыше сабельной раны, затем усадил стрельца на телегу и укрыл попоной. Второй раненый был из этого же десятка. Ефимию Куцеватому отрубило левое ухо, но не полностью, половинка осталось. Княжич отвёл его к телеге, промыл рану приготовленным с утра хлебным вином и замотал также запасливо приготовленной тряпицей. И снова бегом бросился к лесу, прихватив с собой двоих стрельцов и пяток возчиков, чтобы ловить разбежавшихся казацких лошадей.

А потом Иван поучаствовал в допросе пленных, организованном Пожарским. Стрельцы по его приказу принесли двоих раненых казаков к телеге и привязали руки к колёсам. Княжич подошёл к одному и спокойно, почти шёпотом поинтересовался:

– Кто такие?

Разбойник сплюнул и послал княжонка по матери. Тот улыбнулся на это и отрубил бедолаге кисть на левой руке. Орал тать долго, смотрел, как, пульсируя, вытекает из обрубка кровь, и орал. Отрок перетянул тряпицей рану и снова спокойно спросил:

– Кто такие?

– Казаки. Атаман – Иван Сокол.

– Сколько было в засаде?

– Три десятка и ближник атамана Семён Верёвка.

– Сколько всего в вашей банде народа?

– Да пошёл ты!

Хак. Это княжич вторую кисть отрубил татю. Подождал, когда тот проорётся, и вогнал саблю в живот. Крик был нечеловеческий. Подождав ещё немного, малец взял и отрубил разбойнику голову. И подошёл ко второму.

– Сколько всего народу в вашей банде?

Расправа над соседом произвела на казака впечатление, и он отвечал на вопросы быстрее, чем Пожарский их задавал.

– Девять десятков с небольшим. Было.

– Где база?

– Кто такой База? У нас такого нет. Есть Бузов, так его атаман с ещё пятью десятками позавчера отправил, монастырь женский Пречистой Богородицы чтобы разграбить.

– Где сейчас сам Сокол?

– Тут, в десяти верстах, есть село Мстёра.

– Сколько сейчас с ним казаков?

– Десяток Семёна Пасынка и двое ближников атамановых – Пётр Онищенко и Иван Битый.

– Чем занимаются?

– Чем им ещё заниматься? Девочек тискают и брагу пьют. – По ответу было видно, что казачок и сам бы не прочь присоединиться к атаману.

– Что за монастырь? Где он?

– На восходе. В двух днях пути. Разведка донесла, что там серебра богато скопилось и монашки молодые есть.

– Сколько дорог подходит к Мстере?

– Две, одна сюда, на тракт ведёт, вторая как раз на восход, в сторону монастыря и к озеру Великое.

– Дозоры есть?

– Есть на обоих дорогах по секрету из двух казаков.

– Спасибо. – И княжич вогнал саблю между рёбер прямо татю в сердце.

Пырьев стоял рядом, и его бил озноб. Спокойно, хладнокровно этот пацан зарезал двух пленных. Узнал всё, что нужно, и зарезал. А если он узнает, кто его травил, что он с ним сделает?

– Иван! – вывел из ступора Пырьева голос Пожарского. – Возьми двух возчиков и пару стрельцов. Всех убитых обыскать, раздеть донага и накидать кучей вдоль дороги. Одежду и оружие – в первую телегу, которая одежда в крови – отдельно. Если есть ещё живые, добить. Если найдёте деньги или драгоценности, принесёте мне. Нательные кресты – тоже.

– Да как же, христиане ведь, – попытался воспротивиться Иван.

Княжич ничего не ответил, посмотрел тяжело на Пырьева, развернулся и ушёл к пленным.

Событие одиннадцатое

Янек Заброжский словно во сне находился. Когда он после дуэли с племянником Ходкевича сбежал к москвитам, жизнь его почти что и не поменялась. Он так же учил молодёжь сабельному бою, бражничал, только вино из винограда, ароматное и чуть кисловатое, заменилось на вино хлебное, вонючее и бьющее в голову гораздо сильнее, да девок тискал, только весёлые паненки заменились гулящими русскими кабацкими девками, потасканными и вечно пьяными.

Поменялась жизнь десять минут назад. Янек не жалел, что поддался сиюминутному желанию научиться новому, очень эффективному виду боя под названием «казацки ухватки». Поездка в Нижний Новгород – что ж, оно того стоит, да и от Ходкевича подальше: тот, по слухам, опять подступил к Москве. На привале, когда княжич предложил устроить засаду на татей, пан Заброжский сильно удивился. Он бы пустил впереди повозок все два десятка стрельцов, его, Янека, и слугу Марека, да ещё несколько возчиков переодел бы в стрелецкое платье и смешал со стрельцами. Получился бы отряд в двадцать пять хорошо вооружённых царёвых стрельцов, и разбойники вряд ли напали бы на такой кусачий обоз.

Так нет, боярич решил всё сделать строго наоборот: стрельцов пустить чуть позади обоза, чтобы их и видно не было, а в первые телеги спрятать засаду с мушкетами и самострелами. Хитро, ничего не скажешь. А вот потом пан Заброжский и увидел небывалое. Святой Георгий решил, видно, сам поучаствовать в стычке с татями. Он предстал в образе отрока, сына ненавистного всем полякам князя Пожарского. Янек лежал рядом с ним, скрываясь за бортом возка. Отгremели выстрелы, щёлкнули арбалеты, и вот тут Георгий показал себя во всей красе. Лях был уверен, что княжич оба выстрела из мушкетов и один из арбалета использовал с пользой.

Янек выскочил к набегающим казакам лишь на мгновение позже Петра и видел, как тот легко положил троих. Потом на самого Заброжского надели трое разбойников, и это были не вооружённые смерды. Это были бойцы, волчары, всю жизнь использующие саблю по назначению, а не для того, чтобы курям головы рубить. Янек пал бы в той схватке, ну, в лучшем случае, прихватив с собой двоих. Но вездесущий малец влез в схватку и играючи прикончил ещё двоих. Получалось, что за сто ударов сердца этот хлопец отправил в преисподнюю восемь хорошо подготовленных бойцов. Избави нас, дева Мария, от таких противников. Он бы и ещё десяток положил, но враги кончились.

Враги-то кончились, но началось совсем небывалое. Вместо того чтобы встать на колени и вознести молитву Деве Марии за избавление от татей, отрок стал перебегать, осматривая раненых, и добивать тех, кто, по его мнению, уже не жилец. Пан Заброжский и сам бы так поступил, ведь избавить умирающего от мук – дело праведное, но гораздо позже, и при наличии тех, кому можно это кровавое дело поручить – им и поручил бы. Боярич между тем добил троих тяжело раненых и приступил к лечению тех, кто был ранен легко.

Шляхтич сначала подумал, что он их пытать взялся. Всем известно: для того, чтобы рана не загноилась, её нужно прижечь раскалённым на огне железом и легко перемотать тряпицей. Что же делал княжич? Он долго, не обращая внимания на крики раненого, промывал рану хлебным вином, затем срывал какую-то траву, жевал её и, наложив эту кашицу на рану, туго перематывал заготовленными вчера кусками материи, пропитанными тем же хлебным вином.

Поразмыслив, пан Янек решил, что это, наверное, древний способ лечения ран, известный только князьям Пожарским. Известно, что род этот очень старый и ведёт своё начало от самого легендарного Рюрика, а тот, судя по былинам, знал с волхвами. Любивший узнавать всё новое лях не поленился, подошёл к Петру и стал помогать тому перевязывать раны, а заодно поинтересовался, что за траву прикладывает княжич к ране. Оказалось, обычный подорожник – трава, известная в Польше как бабка. Таких раненых, которым княжич решил оказать

помощь, было четверо. Помогая отроку, Янек решил, что выбраны они правильно: раны хоть и глубокие, крови много натекло, но все поверхностные, внутренние органы не задеты, могут и выздороветь.

Закончив с ранеными, пан Заброжский отправился ловить коней, надеясь найти что-нибудь интересное в седельных сумках. А Пожарский теперь уже по-настоящему пошёл пытаться пленить. Матка Бозка, что за отроки подрастают в Московии!

Потом был военный совет. Отрок опять собрал всех стрельцов в круг (странная манера!) и рассказал, что узнал от татей при пытке. В десяти верстах на полночь лежит село Мстёра, в нём сейчас тринадцать казаков, четверо из них – в дозорах. Сам атаман Иван Сокол и двое его подручных, скорее всего, бражничают. Ещё пять десятков казаков выступили в поход: тати решили покуситься на святое и разграбить женский монастырь в двух днях пути на восход. Отбыли они два дня назад и вернутся, наверное, не раньше, чем дня через три (день – на разграбление да дня два-три – на обратную дорогу, чай гружёные пойдут).

Пожарский предлагал, как стемнеет, напасть на село, по дороге вырезав дозоры. Пленные покажут, где стоят секреты и где в селе гулеванит атаман с ближниками. Их спящими повязать, убивать нельзя: те под пытками должны показать, где зарыли казну. Потом уже пройти по селу и прибить оставшихся шестерых станичников, ну или, если повезёт, взять и повязать спящими. С военной точки зрения план был неплох. С другой стороны, он был просто чудовищный: не честная рыцарская схватка, а тихое подкрадывание в ночи, аки тати, и вырезание спящих. Нет, эти русские ни разу не рыцари. С ними нельзя воевать. Никаких законов чести не блюдут.

Оказывается, думал так не только он, пан Янек, но и ещё несколько стрельцов.

– То есть вы хотите помереть, сражаясь не с врагами отечества ляхами и шведами, а глупо погибнуть в стычке с татями, аки пьяницы в кабаке? – зыркнул на них отрок, и возражающие потупились.

Вопрос покорибил пана Заброжского: живя больше года среди московитов в спокойном Владимире, он уже стал забывать, что война идёт вовсю, поляки зорят пограничные городки, несколько раз уже королевич Владислав подходил к самой Москве, и сейчас он пробивается к ней снова. Он ещё не считал русских своими. Если вот этот отрок с сотней стрельцов попорнее вмешается в затянувшуюся на десятилетие свару, поляки быстро закончатся. Спаси их, Матка Бозка.

Через полчаса обоз уже сворачивал на дорогу, ведущую к селу Мстёра. Пленных связали (вездесущий княжонок сам всех проверил и двоих перевязал понадежнее), положили на телеги, раненых тоже связали, а ведь могли бы и заставить поклясться честью, что не убегут. Он бы, как шляхтич, так и поступил.

За обозом теперь шёл целый табун коней: два десятка пристяжных стрельцов и девять казацких. Пан Янек видел, как княжичу передавали монеты, найденные у татей, целый мешочек получился, не меньше двухсот рублёв. Вот это добыча! Как только Пожарский её делить будет? Пока тот молчал.

Рядом с княжичем на своём коньке ехал один из татей со связанными руками, он должен будет за версту до секрета предупредить отрока. Смотрелся казак на мелкой степной кобылке рядом с бояричем, восседавшем на дестризе, откровенно смешно. Шляхтич почувствовал гордость за польских великанов, будто сам их выращивал.

Событие двенадцатое

Десятник стрелецкого полка Козьма Шустов считался одним из опытнейших в полку Афанасия Левшина. Всего ведь чуть больше седмицы назад он готовился с полком выступать под Коломну, осаждаемую ляхами. И тут ему передают приказ со всем десятком, да ещё и с десятком Афанасия Бороды, сопровождать сына князя Пожарского в новые вотчины, в далёкий Нижний Новгород. Да беречь парнишку пуще глаза, бо тот больно горяч. С одной стороны, не меньше месяца дорога в оба конца, может, и отобьют к тому времени поляков, с другой – что он, нянька для сопливых княжат? И ведь так думал Козьма всего седмицу назад.

Это был не княжонок. Злой, хитрый, изворотливый, бесшабашный, удачливый их полковник Афанасий Левшин был дитём неразумным по сравнению с Петром Пожарским. Этот пацан был ловок как бес. Лучший, сколько себя помнил Козьма, кулачный боец в полку Фома Исаев продержался против отрока несколько ударов сердца, он летал по воздуху и сучил ножищами от одного прикосновения пацана. Потом княжич выиграл в поединке с двумя лучшими сабельными бойцами Владимира, да ещё и переманил одного с собой. Лях десятнику откровенно не нравился, прямо выплёскивался из него шляхетский гонор, но на первом привале Пожарский проверил того в деле, и на учебных саблях пан Янек легко уложил двоих лучших из стрельцов.

Сам бой с татями Афанасий почти и не застал. Из тридцать одного матерого бойца в живых, когда они подскакали, осталось семеро, и те уже сдались. По словам же участвовавших в бою получалось, что малец завалил восьмерых, а остальных принудил к сдаче. Про допрос и вспоминать не хотелось: так себя тринадцатилетние отроки вести не должны.

Сейчас они стояли в версте от казацкого дозора и ждали. Ждали, когда княжич вырежет секрет и подаст им знак трогаться дальше. Это был бред: не десяток стрельцов, а один отрок пошёл снимать, как он выразился, дозор. Десятник почему-то не сомневался, что Пожарский секрет вырежет. Ну, вот и сигнал.

Обоз тронулся дальше. Впереди – два десятка стрельцов с поляком, за ними – телеги с припасами, пленными и ранеными. Минут через пяток доскакали до рощицы у поворота дороги, дальше уже виднелось село. Сумерки уже сократили видимость до минимума, но дымки из труб, запах навоза, сносимый как раз в их сторону, и кукареканье петухов ясно указывали, что вот оно, село Мстёра. Казачков княжич не убил: застав сонными, оглушил и связал. Что только делать с такой прорвой пленных, коих уже больше полудюжины?

Пётр между тем дал команду всем спешиться и повёл троих ранее отобранных стрельцов за собой, сначала, правда, объяснив десятникам их задачу:

– Мы пройдем вдоль леса вон к той избе, – княжич указал на неказистую халупу. – К ней огородами примыкает вон тот большой дом местного старосты, в нём, по словам казаков, и расположился атаман с ближниками, их я возьму сам, мне не мешайте. Вы заходите вон в тот дом кузнеца, на отшибе, и узнаете, где эти шесть казаков, в каких домах, идёте туда как можно тише. Можно татей сразу рубить, но если спят пьяные, то вяжите; больше чем по трое в дом не лезьте, только мешать друг другу будете.

И ушёл, слегка пригибаясь, вдоль леса.

Афанасий разбил свой десяток на тройки, одного стрельца как раз боярич и увёл. Дом кузнеца встретил тишиной, собака не брехала, значит, не было. Сам кузнец был на конюшне, задавал корм пегой кобылке. Увидев стрельцов с взведёнными арбалетами, перекрестился и выдохнул:

– Ну, сподобил Господь, дождались! – И истово три раза перекрестился.

– Покажешь, в каких избах сейчас тати? – правильно истолковал этот порыв благочестия Афанасий.

– А то! Уж натерпелись от ворогов, мочи нет. Все они у бобылихи Марфы гулеванят, перепились, поди, все, с полудня хлебным вином наливаются, – опять трижды перекрестился кузнец.

– Как звать тебя? – прибавив строгости в голосе, спросил десятский.

– Аким я. Мурзой кличут, говорят, на татарина похож... – Лёгкая улыбка тронула и правда чернявое, чуть узкоглазое лицо кузнеца.

– Веди, давай, Аким, к Марфе-бобылихе, и, если можно, огородами, чтобы незаметно подойти, – не поддержал улыбки Афанасий.

– Почему нельзя, можно и огородами. Пошли... – И первым вышел со двора, ведя стрельцов за собой.

Казаки на самом деле лыка не вязали, один пытался вытащить из-за пояса татарский кинжал, но словил горлом арбалетный болт и сполз по стене, булькая кровавыми пузырями. Остальных пятерых оглушили и связали, завопившей было Марфе, тоже изрядно пьяной, заткнули рот её же подолом. Всё, свою часть работы они сделали. Как там княжонок? Управился ли со своей?

Оказалось, что управился не хуже, хотя атаман с ближниками были гораздо менее пьяные, чем гости Марфы. Всех троих взяли живыми. Ивану Соколу, правда, выбили пару зубов, когда тот принялся вырываться из рук стрельца. На этом, думал Афанасий, всё и закончится, но не тут-то было. Пожарский дал приказ всех казаков привязать так, как вешают на дыбу (руки за спиной связать и задрать повыше, но из суставов не выворачивать, вдруг их руки ещё пригодятся), а сам взял того стрельца, с которым атамана вязали, и пошёл снимать второй секрет, расположенный на дороге, идущей на восход. Что ж, село они взяли без крови. Своей.

Событие тринадцатое

Пётр Пожарский неудачно повернулся на лавке и чуть не упал с неё. Какого лешего здесь нет нормальных, шириной в два метра кроватей? Пришлось вставать и идти делать зарядку. Несколько катов, отжимание, приседания и учебный бой на саблях с паном Янеком – так час и пролетел. Затем водные процедуры, несмотря на довольно прохладный день (солнышко из облаков так и не вышло): он окатился водой из колодца и растёрся грубым куском мешковины, поданным Мареком, слугой шляхтича.

Перекусив хлебом с молоком, что подала хозяйка дома, княжич вышел на улицу. Дом был тот самый, где ещё вчера обитал атаман казаков Иван Сокол. Сейчас Сокол со товарищи висел перед церковью на импровизированной дыбе, сколоченной наспех стрельцами. Четверых раненых казаков разместили в этом же доме в небольшой сараюшке. Остальные пятнадцать казаков, два ближника атамана и сам Иван висели на этой дыбе. Вкопали два бревна в землю, прибили к ним перекладину, связали бедолагам руки за спиной и привязали конец верёвки к перекладине так, чтобы тать стоял на ногах, но двигаться не мог – сразу руку себе вывернешь. Пятнадцать казаков было потому, что второй дозор не спал, и его пришлось положить из арбалетов: меньше пленников – меньше проблем.

К церкви Пётр и отправился. С ним были оба стрелецких десятника и лях. Так сказать, свита для солидности. Остальных стрельцов княжич отправил проводить шмон по деревне. Приказ был собрать всё, что принадлежало разбойничьей шайке, и не трогать ничего у местных. Крестьяне и так за два с лишним года натерпелись.

Атаман был настоящий казак, как его представляют в исторических фильмах. Красный кафтан, правда, грязноватый, синие шаровары, вислые усы, начинающие седесть, бритая голова и чуб. Стоял он, уронив голову на грудь, и, похоже, спал на ногах. Придётся это исправить.

Пётр размахнулся и от души ударил Сокола в солнечное сплетение. Тот охнул, согнулся от удара, вырвал себе из суставов руки и завыл на всё село. Замечательно. Живым Пожарский его оставлять не собирался. Всё, что оставалось сделать сподвижнику и хранителю казны Заруцкого, это честно рассказать о том, где хранится всё, что награбили два атамана за десять с лишним лет. После этого он должен красиво умереть, например, на костре.

– Снимите его, руки не развязывайте, – попросил он стрельцов, что те мигом и проделали.

– Пойдём, Иван, поговорить надо, – пригласил жестом руки княжич казака по направлению к его старому месту жительства.

Когда они уселись на лавки напротив друг друга, бывший генерал спецназа, проводивший десятки допросов, решил сыграть для начала в доброго следователя.

– Иван, прости, не знаю, как тебя по батюшке?

Казак молчал.

– Смотри. У нас с тобой есть всего два пути. Первый: ты мне рассказываешь обо всех тайниках, где запрятана казна, я проверяю, и если всё честно, то отпускаю тебя одного на все четыре стороны. Второй: ты играешь в молчанку, я начинаю тебя пытаться и со временем узнаю всё то же самое, что ты мне сказал бы добровольно, но зачем тебе жизнь без пальцев, глаз и яиц. Причём начнём именно с того, что сделаем из тебя евнуха. Что скажешь теперь? Как тебя по отчеству?

– Отца Сидором звали, – пошёл на сотрудничество атаман.

– Ну, вот и замечательно, Иван Сидорович. Мне твои казаки сказали, что в наследство от Заруцкого тебе достались две ладьи, набитые золотом и серебром. Ещё мне рассказали, что за последующие три с лишним года вы ограбили кучу деревень и даже пару городков, несколько монастырей и купцов – так просто и не сосчитать. Где всё это? – Пётр говорил медленно и при этом «вежливо» улыбался.

– Кто ты, отрок? – Атаман ожёг его ненавидящим взглядом.

– Я Пётр Дмитриевич Пожарский. Об отце слышал, небось. – Княжич продолжал улыбаться.

– Вот как... Отца твоего знал, вместе даже, было дело, ляхов били. – Взгляд казака не потеплел.

– Итак, где всё награбленное?

– Если я расскажу, ты меня убьёшь, – выдал аксиому Иван Сидорович.

– Если всё до последней полушки выдашь, клянусь Господом нашим Иисусом Христом, отпущу и даже не изувечу, ещё и руки вылечу. – Пётр истово перекрестился. Бывший генерал в Бога не верил и клятву дал легко.

– Не верю я тебе, княжич. Глаза у тебя недобрые, – покачал головой атаман.

– Смотри, Иван Сидорович, у меня два дня до прихода твоего отряда, что монастырь сейчас грабит и монашек насилует. Все эти два дня я тебя пытаю. Ты не смотри, что я молод, все, что обещал, я выполню. Начну я тебя делать евнухом через две минуты, если, конечно, ты не прекратишь упрямиться. – Пётр встал, открыл дверь на улицу и крикнул стоящим во дворе стрельцким десятникам: – Принесите ведро воды и нож поменьше, буду лечить пленника.

Атаман сломался, едва с него порты стянули. Легко отнимать чужие жизни, а вот когда твоей угрожают, да ещё таким изощрённым способом, стойким оловяннным солдатиком быть тяжело.

Тайных захоронок, по словам Ивана Сидоровича, было пять. Места знал он и его ближники: Пётр Онищенко и Иван Битый. Что ж, теперь надо устроить перекрёстный допрос этим двоим и проверить, сколько тайников надеялся скрыть атаман. Он ведь не на доверчивого мальчика попал.

Событие четырнадцатое

Иван Пырьев сидел в засаде и с каким-то детским нетерпением ждал начала боя с казаками. То, что этих разбойников было почти в три раза больше, его ничуть не тревожило. Никто не собирался сходить с ними в честном бою, стенка на стенку. Правильно княжич говорит: с татями, разграбившими женский монастырь, убившими стариц и изнасиловавшими молодых монашек, даже юродивый не выйдет в честный бой. Их надо просто уничтожить.

При обыске деревни жители сначала пытались припрятать кое-что из вещей казаков, но когда Пожарский пообещал им, что уйдёт сейчас со стрельцами, и пусть они сами объяснят вернувшимся с грабежа татам, что здесь произошло, те одумались и сами выдали всё оружие и, скорее всего, большую часть награбленного, не припрятанную атаманом. В результате у их отряда набралось три с лишним десятка хороших пищалей, десятков английских и испанских мушкетов, более сотни сабель всех образцов и размеров, две пушчонки, шесть пистолей и дюжина хороших самострелов. Арбалетов, как их называл боярич, было больше, полных три десятка, но Пожарский выбрал всего двенадцать. Вместе с теми, что уже имелись у их отряда, получилось двадцать два, как раз на всех по одному.

Княжич, как всегда, собрал всех стрельцов в круг и в очередной раз предложил на обсуждение свой план уничтожения татей. Когда этот малец вылез со своим планом в первый раз, ну, когда они засаду на возах устроили, над ним разве что не посмеялись. А оказалось вон что. Второе обсуждение о ночном налёте на Мстеру прошло уже спокойнее. Сейчас в третий раз предлагалось не вступать в бой, а расстрелять из мушкетов и самострелов, расположившись с обеих сторон дороги и оставив троих человек ещё дальше по дороге для добивания решивших убежать. Опять не честный бой, опять истребление, а не хорошая схватка. И никто даже не подумал возражать, только лях скривился, но промолчал. Отрядом управляли уже недесятники, опытные воины, прошедшие десяток битв, а этот юнец, даже не юнец, а отрок.

Прошло два дня. За это время загрузили все трофеи в телеги, только две оставили под продовольствие и фураж для лошадей, остальные девять были под завязку наполнены награбленным добром. Княжич с десятниками несколько раз отлучались из деревни, забрав с собой связанного атамана или одного из подручных Сокола. По слухам, казну искали, но, видно, не нашли, так как каждый раз возвращались пустые.

Утром высланный вперёд на пять вёрст дозор на самых резвых лошадях принёс весть: тати идут. Идут медленно, везут на пяти возах награбленное и гонят пленников. Места для засады Пожарский распределил заранее и каждому объяснил его действия. Вот теперь, без спешки и суеты, стрельцы заняли указанные места по обочинам дороги и ждали сигнала.

Казаки ехали не таясь, вперемешку конные и на телегах. Пленники были в хвосте колонны, и Ивану их было пока не видать. Когда тати поравнялись с лежащим в засаде ближе всех к селу княжичем, он дал сигнал к началу стрельбы. Самый простой сигнал, выстрелил из мушкета, такой не проспешь.

С обеих сторон дороги бахнули мушкеты. Пырьев разрядил свой и, отбросив его в листву, подтянул второй. Бабах. Всю дорогу заволокло дымом, его клочья цеплялись за кусты и мешали увидеть нападающих казакам. Иван отправил разряженное оружие к первому и приник к пищали. Это, конечно, не шпанский мушкет, но тоже стреляет. Бабах. Отбросить и эту дуру к первым двум, теперь самострел. Только сначала оглядеться, найти уцелевших.

Казаки мечутся по дороге, не понимая, куда бежать: враг везде, со всех четырёх сторон. Попытавшиеся сунуться назад по дороге получили залп навстречу и ломанулись назад, сминая таких же хитрых. Иван выцелил одного из татей и послал в него стрелу. Эх, неудачно, стрела попала в ногу. Ничего, десять ударов сердца на перезарядку – и снова стрела летит во врага. Снова перезарядка. Ещё перезарядка. Ещё перезарядка. Блин, а стрелять-то не в кого.

Несколько человек стоят на коленях, задрав в небо руки, остальные в самых живописных позах валяются на земле.

Так, теперь нужно дождаться следующего сигнала Петра Пожарского. Гремит ещё один выстрел из пищали, и стрельцы устремляются из кустов на дорогу с саблями наголо. Нужно добить раненых и повязать сдавшихся. Не прошло и десяти минут, а полусотни казаков как не было. Своих при этом не потеряли ни одного.

Событие пятнадцатое

Обоз длиннющей змеей ползёт по дороге. Он уже почти не управляем. Тридцать подвод везут добро, нажитое непосильным трудом, раненых и вынужденных переселенцев. Пётр Пожарский весь день катается туда-сюда вдоль каравана и пытается ликвидировать возникающие то здесь, то там заторы. То колесо у одной из телег отвалится, то жеребцы передерутся, то монашкам в кусты по нужде приспичит. Хаос.

После боя на дороге посчитали трофеи и ужаснулись. Казаки гнали с собой семнадцать молодых монашек и четверых богомазов. Монастырь разбойники сожгли, всех остальных обитателей несчастного монастыря убили и запасы на зиму либо понадкусывали, либо увезли с собой. Так что возвращаться к озеру Великое на пепелище освобождённым пленникам было нельзя. Пришлось брать их с собой. Наняли в Мстере ещё четырнадцать возчиков со своими телегами, разместили на них монашек с иконописцами и двадцать пленных казаков. Атамана Ивана Сокола и двух его ближников сожгли на краю села Мстеры.

Сейчас караван миновал уже большое придорожное село Вязники и приближался к Гороховцу. В хвосте огромной змеи дружно не желали двигаться строем больше сотни лошадей. В табуне выделялись два десятка великанов дестриэ и два арабских скакуна: жеребец и кобылка молодая. Чтобы прокормить такое стадо, везли с собой закупленный в Вязниках овёс, целых два воза. В Вязниках же проверили ещё доставшиеся от казаков по наследству трофеи. Там на пристани, на Клязьме, стояло семь готовых к отплытию ладей. Казаки после набега на монастырь собирались покинуть Нижегородскую землю и спускаться сначала по Оке, а потом по Волге до острова Царицын, до переволока, а оттуда пробираться к себе на Дон. Для того и богомазов с собой тащили: хотели у себя церковь ставить и расписать её. Чуть не успели. Пётр Пожарский на них свалился.

Хотелось бы погрузиться на корабли и доплыть до Балахны по воде, только кто теми кораблями управлять станет, ни одного моряка среди спутников бывшего генерала не нашлось. Придётся нанять в Нижнем кормчих с матросами и перегнать ладьи в Балахну. Не пропадать же добру. Корабли всегда пригодятся.

Из припрятанных казаками кладов раскопали только один – тот, что с серебряными монетами. Всего кладов оказалось восемь, перекрёстный допрос с пристрастием выявил ещё три захоронки, самые ценные – с золотой посудой и камнями. Вот всю верхушку казачью за обман и сожгли. Сожгли бы и так, но тут повод образовался. Сейчас серебро, упакованное в бочонки из-под пороха, путешествовало в одной из телег, монеты были в основном талерами и в пересчёте на нынешний курс составляли примерно десять тысяч рублей. На первое время должно хватить, а на следующий год можно организовать экспедицию и вырыть остальные сокровища. Там их столько, что граф Монте-Кристо отдыхает.

Но сейчас Петра волновало не серебро. Впереди был Гороховец. И по проверенным данным, в районе этого городка орудовала банда Медведя из бывших служилых людей и незнамо как затесавшихся среди них татар из Казани. Блин, вот что за страна-то такая: как с ляхами воевать, так никого не дозовёшься, а как на дорогах купцов грабить, так банды под сто человек. Правда, по слухам, собранным стрельцами во Владимире, в шайке Медведя было всего несколько десятков татей, а не сотня, но дело это кардинально не меняло. С ним было всего два десятка стрельцов. И нужно ещё было охранять пленных казаков.

Время близилось к вечеру, и надо было устраиваться на ночлег, а Гороховца всё не было. Придётся в очередной раз ночевать в придорожных кустах. Надоело-то как. А ведь от Гороховца до Балахны, даже если не заезжать в Нижний Новгород, ещё сотня вёрст.

– Привал! – скомандовал Пётр и прыгнул со своего вороного. – Козьма, – обратился он к стрелецкому десятнику Шустову, – выставь весь свой десяток вокруг лагеря в дозоры,

пусть с собой по мушкету и арбалету возьмут. После полуночи тебя десяток Бороды сменит. И предупреди стрельцов, чтобы внимательно следили, не спали: где-то недалеко тати Медведя обретаются.

Шустов кивнул и растворился в сутолоке устраивающегося на ночлег огромного лагеря. На душе у бывшего генерала было беспокойно, на месте бандитов он бы на спящий лагерь и напал. Периметр огромный, а защитников чуть, да ещё шум стоит, вплотную можно подойти, никто не заметит. Пожарский перекусил хлебом с варёной репой и пошёл искать ляха.

Пан Янек Заброжский со своим слугой Мареком расположились за большим камнем, лежащим на опушке леса, и тоже уже заканчивали ужин, доедая добытые где-то варёные яйца.

– Ясновельможный пан, – обратился к поляку Пётр, – не составите мне компанию? Я хочу обойти дозоры. Чует моё сердце, что сегодня на нас нападут тати атамана Медведя.

– И что мы сможем сделать вдвоём? – поинтересовался шляхтич, поднимаясь и отряхивая штаны от прилипшей травы.

– Возьмём по самострелу и проверим места вероятного нападения.

– Это как? – не понял пан Заброжский.

– Ну, вот ты, пан Янек, откуда бы напал на лагерь? – Пётр обвёл рукой гомонящий табор.

– Понятно, из леса, – пожал плечами лях.

– А с какой стороны?

– А есть разница?

– Есть, – уверил его Пожарский. – Вот, смотри, с той стороны вдоль дороги местность болотистая. Кто же захочет через болото лезть?

– И то верно. – Пан Заброжский уважительно глянул на этого чудного отрока.

– Вот давай в эту сторону и сходим по-тихому на разведку. Если татей много и они ждут темноты, чтобы напасть, то пусть немного, но всё равно шуметь будут, птиц растревожат, а мы будем идти тихонько и прислушиваться.

Пётр дошёл до стрельца, стоящего в дозоре, предупредил его и углубился в лес. Берёзы тихонько шелестели листвой, и казалось, что лес замер в ожидании ночного отдыха. Птиц почти не слышно. Хотя... Впереди, чуть в стороне от того маршрута, что наметил бывший генерал, причитала сорока.

Пожарский остановился, подпустил ляха вплотную и прошептал:

– Слышишь, сорока, кричит, кто-то её спугнул. Сейчас пройдем ещё немного вперёд, а потом повернём туда, где птица кричит. – И, дождавшись кивка понимания, снова неслышно заскользил по лесу.

Чутьё не подвело бывшего спецназовца. За кустами у большой сосны сидело больше десятка разбойников. Немного. Может, и не решатся напасть на огромный обоз. Хотя. За чем-то они сюда пришли?

– Пан Янек, я буду стрелять, а ты заряжай арбалет и передавай мне. Когда я закричу, беги к нашим. И не спорь, я знаю, что делаю, – шёпотом, одними губами отдал команду Пётр и, видя, что гордый шляхтич не согласен убегать, пригрозил ему кулаком. Смотрелось это со стороны, наверное, комично. Закалённый рубака и пацан, грозящий ему.

Они зарядили каждый свой арбалет и приготовились. Арбалеты были с ножным зарядом, то есть приходилось использовать силу спинного натяжения, чтобы взвести его.

Первым Пожарский выбрал лучника. По одежде и невысокому росту можно было сделать вывод, что это и впрямь татарин; что ж, татарские лучники умрут первыми. Всего их было двое, как раз на два первых выстрела. Он не промахнулся. Первая стрела вошла татарину в грудь и отбросила того на соседей. Вторая стрела повторила это с его земляком.

Так, есть несколько секунд передышки, чтобы осмотреться. Тати ещё не поняли, что происходит, нападения с тыла они не ждали. Пётр развернулся к поляку. Как раз вовремя, чтобы

принять взведённый арбалет и передать ему второй. Третья стрела – в богато одетого здоровяка, с таким лучше не сходиться в рукопашном бою. Поворот к Янеку, тот ещё не готов. Как же медленно тянется тетива вверх. Четвёртая стрела. Вон в того, размахивающего руками. Раз пытаешься руководить, значит, нужно тебя с руководящей должности снять. Удачно.

Разбойники пытаются прятаться за деревьями, но так как они не поняли, откуда летят в них стрелы, то прячутся как раз с той стороны, где и засели княжич со шляхтичем. Пятая стрела. Она досталась вон тому оболтусу, что решил не прятаться, а побежал прямо на них. Уже не бежит. Опять томительное ожидание. Теперь разбойники пытаются лечь на землю и ползти как раз на засаду. Вон в того шустрого ползуна.

И тут до татей доходит, откуда ведётся стрельба. Но они не знают, сколько стрелков. Поэтому делают ещё одну ошибку: они поднимаются в полный рост и бегут в противоположную сторону, то есть к лагерю. Шестая стрела. В спину замешкавшемуся мужичку в стрелецком кафтане. Так, ситуация становится запутанной. Эти товарищи сейчас выбегут прямо на засаду стрельцов.

Бабах. Грохот мушкетного выстрела разрывает тишину леса. Бабах. Трещат ветки кустов от ломящихся навстречу смерти душегубов. Пока тати занимались кроссом по пересечённой местности, пан Янек успел зарядить оба арбалета и достать из ножен саблю. Может, и правильно, так как больше зарядить не успеем. Две стрелы останавливают бег разбойников, но те уже совсем рядом. Решили идти напролом. Их осталось шесть человек.

Пётр выхватил из-за пояса кинжал и бросил его в грудь ближайшего. Шаг в сторону, захват руки за обшлаг кафтана высокого разбойничка и бросок через себя с колена, добивание костяшками пальцев в висок. Перекат под ноги последнему, удар сапогом в пах, разворот – и опять добить ударом в висок.

Так, теперь подняться и осмотреться. Пан Заброжский рубится на саблях с татем. Одного он уже свалил. Где же последний? Да вот же он, ползком пытается скользнуть в кусты. Шалишь. Этого нужно взять живым. Несколько быстрых шагов – и второй кинжал упирается пластуну в основание черепа.

– Стоять! Руки за голову и громко читай «Отче наш». – На удивление, сработало: разбойник закинул руки за голову и забормотал молитву.

– Как, ты Пётр Дмитриевич? – К княжичу, стягивающему за спиной руки единственного выжившего бандита, подбегают стрельцы во главе с Бородой.

– Нормально, вашими молитвами. Этого к костру, поспрошать его надо. – Пожарский садится еле живой от усталости, надпочечники прекратили выбрасывать адреналин, и сейчас начнётся отходняк.

Событие шестнадцатое

Иван Пырьев сегодня был выставлен в авангард. К вечеру они надеялись добраться по владимирскому тракту до своротки на Балахну. Об этой своротке вывели позавчера на допросе у единственного оставшегося в живых из банды Медведя. Иван присутствовал при этом действе. Пленного подвели к костру, сняли с него портки, и княжич приказал двоим стрельцам, в том числе и Пырьеву, держать татя за локти, чтобы не дёргался и «получил полное удовольствие от пытки», как выразился непонятный отрок. Услышав эти слова, тать обмочился. Княжич же, не обращая внимания на визги мужика, раскалил в костре конец шомпола от пищали и поднёс малиново-светящуюся железку к самому носу разбойника, «чтобы лучше разглядел». Душегубец даже орать прекратил, так внимательно, скосив глаза, разглядывал.

– Я всё расскажу, – обливаясь потом и слезами, заскулил он, когда Пожарский потянулся раскалённым прутом к его причиндалам.

– А мы всё знать не хотим, – успокоил его княжич. – Да, ты всё и не знаешь. Вот ответь, сколько бусин из ладана было в дарах волхвов?

Стоящий рядом богомаз из спалённого монастыря подошёл поближе.

– То и я не знаю, княже. Скажешь ли? – Монашек, видно, принял вопрос за чистую монету.

Иван же, уже начавший привыкать к причудам Пожарского, только фыркнул в бороду.

– Шестьдесят бусин, сделанных из смеси ладана и смирны, – ответил за татя Пётр: как-то слышал это в Исаакиевском соборе на экскурсии и запомнил.

– Благодарствую, княже, – поклонился иконописец.

– Ладно, – повернулся к разбойнику Пожарский, – теперь твоя очередь. Сколько было в вашем полку народу?

– Так без малого восемь сотен, – не мешкая, ответил разбойник, косясь на остывающий прут.

– Ох, тяжело, – вздохнул княжич. – Про твой полк потом поговорим. Сколько было народу в вашей шайке?

– Так без малого два десятка, правда, Федьку вчера Медведь топором зарубил.

– Мы пятнадцать убили. Ты шестнадцатый. Ещё кто-то остался? – снова пододвинул Пожарский шомпол к огню.

– Нет. Все были туточки.

– И Медведь?

– Он от стрелы, считай, одним из первых полёг, – неотрывно глядя на раскаляющийся конец прута, затараторил бывший стрелец.

– Где у вас лагерь?

– Тут, недалече, с версту будет, на полдень. – Тать мотнул головой, показывая направление.

– И в лагере никого нет? – Прут снова переместился к причиндалам.

– Только бабка Сидориха, и всё, вот те крест! – Пленный сделал попытку перекреститься, дёрнулся, но Иван держал его за правую руку крепко.

– Кто такая?

– Травница. Мы её в одной деревне от попа отбили. Сжечь он её хотел, говорил, что колдунья.

– Ясно. Казна где зарыта? Или скажешь, что не знаешь? – Прут вплотную приблизился к причинному месту, даже ногу задел.

Пленный выгнулся назад и заверещал:

– Знаю, знаю. Я подсмотрел. Покажу. Христом Богом клянусь, всё покажу! – Слёзы ручьями катились из глаз, а у костра запахло дерьмом. Обделался бандюга с перепугу.

– Унесите его быстро отсюда, – поморщился княжич. – Да смотрите за ним хорошенько. Головой за него отвечаете. Стоп. Далеко отсюда до Нижнего Новгорода? – остановил стрельцов Пожарский.

– Ну, до своротки на Балахну два дня и оттуда ещё день, почитай, – путаясь в спущенных штанах, пытался подниматься и подобострастно кланяться одновременно пленный.

– Вот как? Вот что, ребята, вы его в ручей, что с другой стороны дороги пробегает, суньте, пусть обмоется, но руки не развязывайте: такой источник знаний мне нужен целым и не вонючим к завтраму, – без тени улыбки погрозил Ивану Пырьеву пальцем Пётр.

Утром княжич с двумя десятниками и пленным на ляхских огромных конях уехали в лес. За кладом разбойничьим, понял Иван. Вернулись те часа через два, огромный лагерь уже проснулся и позавтракал, кони были запряжены в телеги. На всех четырёх конях были перекинуты поперёк мешки с добычей, коней вели в поводу, до того, видно, тяжёлой была ноша. Только на одном сидела пожилая уже женщина с большущей корзиной в руках.

Свалили мешки под мелодичный звон металла в одну из телег и, не мешкая, тронулись в путь. Иван за подробностями не лез: захочет десятник, сам скажет.

С убитыми разбойниками поступили, как и в прошлый раз: раздели, сорвали нательные кресты, у кого были, и набросали кучей у дороги. «Другим на острастку», – так объяснил свои действия Пожарский. Лишь одна монашка пискнула что-то про христианские обычаи.

– Они не христиане! – отрубил княжич. – Вон, на них даже крестов нет! – И спокойно поехал дальше.

Иван стал всё сильнее бояться этого юнца. Что будет, если он узнает, кто его пытался отравить? Сейчас стрелец ехал в авангарде длиннющего обоза как раз стремя в стремя с Пожарским.

– Знаешь, Иван, что я думаю... – начал было Пётр.

И Пырьев не выдержал:

– Не вели казнить, князь-батюшка! Я тебе яду подсыпал по наущению Тимофея Ракитного, сына боярского боярина Колтовского. Бес попутал. Всё что хошь для тебя сделаю, хоть и самого Колтовского порешу. Рабом тебе преданнейшим буду.

– Ну и ладно, – широко улыбнулся отрок Ивану, – потом сочтёмся.

Событие семнадцатое

Никита Иванович Пушкин, балахнинский воевода, сидел в своём доме и переписывал отчёт государеву дьяку в Нижний Новгород о сборе пятины с купцов своего уезда. Собрано было сполна, торговлишка с Казанью и самим Нижним в последнее время оживилась. Балахна хоть и не большой городок, но десяток торговых людишек имелся. Один же, купчина Тихон Замятин, и вовсе был первостатейный, имел две ладьи и хаживал и в Астрахань, и в Кострому, и в Казань. Собрано было сто семьдесят рублёв, о чем сейчас Никита Иванович и диктовал уездному писарю Агафону Лукину.

Это наипервейшее дело вдруг было прервано неожиданно появившимся подьячим Замятием Симановым.

– Никита Иванович, к заставе подошёл огромный обоз, одних лошадей сотни полторы, да телег несколько десятков, да людишек без счёта.

Событие для тихой и захолустной Балахны было неординарное. Пушкин оправил кафтан и поинтересовался:

– Кто такие? Откуда вести?

– Сынишка стрельца Захарына прибежал от заставы, – пояснил источник новости Симанов.

– Вели стрельцов поднять, и коня мне пусть седлают. – Воевода вышел в другую горницу и, взяв саблю в дорогих ножнах, добытую у ляха в битве у Тушина, вышел на крыльцо.

Коня уже седлали, весь двор пришёл в движение, новость передавалась со скоростью летящей птицы. Лично проверив подпругу, Никита Иванович с помощью конюха взгромоздился в седло. Годы... А ведь, бывало, и без стремени взмывал на коня.

Путь до заставы много времени не занял, вся Балахна-то – две сотни дворов. Увиденное впечатлило. Впереди ехали на настоящих ляшских дестриэ два десятка стрельцов. Потом на таком же огромном вороном звере сидел юноша в богатых княжеских одеждах, справа от него гарцевал на буланом арабском жеребце подлинный лях. А затем... На самом деле, сотни полторы коней и не меньше двух десятков подвод, и по обочине дороги ещё и пешцы двигаются, вон, даже монашки с монахами. Что за переселение народов?

Воевода подъехал к заставе, и хоть был на коне, но получилось лишь снизу вверх поинтересоваться, придав голосу строгости:

– Кто такие?

Чуть раздвинув стрельцов, вперёд выехал тот самый юноша в княжеских одеждах и протянул свиток с печатью:

– Здрав будь, воевода, прости, не знаю имени-отчества. Я – Пётр Дмитриевич Пожарский, по царя и государя всея Руси Михаила Фёдоровича указу приехал принять новые отцовы вотчины и учинить в них порядок. Стрельцы мне в сопровождение посланы.

– Здрав будь, воевода, – выехал в стремя к княжичу один из стрельцов. – Мы с полка Афанасия Левшина, по царёву указу посланы беречь и оборонять от татей по дороге сына князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Я – десятник этого полка Козьма Шустов. Спешу доложить, что царёв указ нами выполнен, боярич доставлен в целости и в добром здравии.

– А что за монаси с вами, Козьма? – решил разговаривать не с отроком, а со взрослым воином воевода.

– То долгая история, господин воевода, мы же без роздыха больше двух седмиц добирались, четыре раза с татями сражались, пленных разбойников у нас больше двух десятков, и кони с утра не поены, не кормлены, монасей же мы отбили у разбойничьего атамана Ивана Сокола, подручного самого атамана Заруцкого, посаженного в Москве на кол за воровство.

– Изрядно. Что же делать мне с такой прорвой лошадей и людей? – покрутил головой Пушкин, осмысливая ситуацию.

Заговорил опять княжич. Был отрок сей боек на язык, и предложение его вызвало горячее одобрение воеводы.

– Разрешите мне, Никита Иванович. Я долго раздумывал над тем, как быть с лошадьми. В отцовых вотчинах их в таком количестве сейчас не разместить, конюшни построить мы не успеем, зима на носу. Поэтому есть такое предложение. Кликни по Балахне и ближайшим сёлам, что если найдутся желающие до весны содержать на своём дворе одну лошадь, то я заплачу ему для прокорма рубль серебром, а коли это будет кобыла, и приведёт он её мне на случку с ляхскими дестриэ или, вон, с арабом, то через полтора года получит жеребёнка от них бесплатно. Как думаешь, воевода, сыщутся ли охотники на такое?

– Как же не сыщутся, думаю, желающих изрядно найдётся, да я и сам пару кобылок возьму. С жеребцами, думаю, будет сложнее, но рубль – большие деньги, на прокорм до весны точно хватит. – Воевода повернулся к подьячему Симанову, крутящемуся здесь же.

– Подожди, Никита Иванович, ещё не всё. Люди грешны, и найдутся те, кто рубль возьмёт, а за скотиной ухаживать будет плохо, кормить одной травой да мякиной, свою же лошадь на те деньги станет кормить отборным овсом... – Княжич махнул рукой, показывая, как он скорбит, что есть ещё на Руси такие люди.

– Возможно сие. – Пушкин кивнул головой: не дурак княжич.

– Вот чтобы такого не было, объяви также, что вернувшие лошадь в изрядном состоянии весной получают от меня в подарок ещё рубль.

Воевода присвистнул.

– О, как. Хитро. Думаю теперь, что легко пристроим мы твой табун. А хватит ли рублей у тебя, Пётр Дмитриевич?

– Хватит. Дал мне государь на обзаведение и дорогу пятьсот рублёв, да столько же батюшка выделил.

Воевода ещё раз присвистнул. Деньжищи огромные. Да сам государь дал.

– Ещё, Никита Иванович, хочу у тебя попросить милости, – продолжил меж тем удивительный отрок.

– Говори, княжич, что в моих силах, пособию. – Поди откажи такому, костей потом не соберёшь: Дмитрий Михайлович Пожарский зело крут.

– Думаю, что в новых отцовых вотчинах нет ни домов хороших, ни конюшен тёплых. Нужны мне плотники в изрядном количестве и материал, чтоб строиться.

Воевода прикинул свою выгоду из того, что сейчас сказал Пожарский. Это ведь прибыль в казну. Плотницкие артели заплатят налог с заработка. Купцы привезут лес и заплатят пятину, количество домов вырастет, а значит, вырастет и налог с дыма. Ну, и кроме того, и плотницкие артели, и купцы поделятся с ним, Пушкиным, за хороший заказ. Ох, как хорошо, что пожаловал сюда этот выюноша.

– Сколько же надо будет тебе плотников, Пётр Дмитриевич? – Пушкин сиял, как начищенный пятак. – С десяток?

– С сотню. Построить терем мне, построить монастырь, построить конюшни на сотню лошадей, а потом ещё на пару сотен, построить овчарни для овец, построить амбары для зерна, построить дома для приехавших со мною и ещё всего изрядно.

По мере того как Пётр говорил, лицо воеводы вытягивалось, он только сейчас начал осознавать, как изменится жизнь вверенного ему уезда в самое ближайшее время.

Никита Иванович Пушкин был трудяга и назначение его на должность воеводы мелкого уезда в глухой провинции расценил не как ссылку, а как возможность проявить себя. Вот он, случай. Это даже не Бог послал. Это путь наверх к гораздо более серьёзным должностям. Только надо всё сделать хорошо. Лично заняться распределением лошадей, чтобы и в самом

деле не достались нерадивым хозяевам. Да и себе взять не две, а четыре кобылки, чай найдёт деньжонки на расширение конюшни. Зато через полтора года у него будет четыре жеребёнка от ляхских великанов. Они, конечно, будут не дестриэ, но и не те хилые лошадёнки, что еле плетутся, запряжённые в пустую телегу.

Плотников он найдёт, кликнет по всему уезду и сегодня же отправит гонца в Нижний Новгород, пусть там всех собирают. И к купцам сходить самому сегодня же, пусть скупают и сплавляют лес, пока не встали Ока и Волга. Что ещё можно сделать? С таким количеством лошадей и притоком работников цены на зерно в уезде быстро пойдут в гору, нужно войти в долю к купцу Тихону Замятину, пусть скупает овёс и рожь с пшеницей по всей Волге и везёт сюда, пока морозы не грянули.

Эх, дел-то сколько впереди. И нужно завтра же послать грамотки царю и князю Пожарскому, что княжич благополучно доехал до вверенного ему уезда и принят со всей возможной любезностью. Заметят его, как не заметить.

Событие восемнадцатое

Государев дьяк Фёдор Фёдорович Пронин был прислан в Нижний Новгород больше года назад. Оставалось ему досидеть до конца своего двухлетнего срока ещё четыре месяца. Отношения с воеводой нижегородским князем Василием Матвеевичем Бутурлиным у него сразу не сложились: тот всё норовил не стрельцами и оборонительными сооружениями города заниматься, а лез в торговлю. Особых успехов в руководстве хозяйством и финансами Фёдор Фёдорович не добился. При Смуте народ обнищал, торговля расстроилась, а тут ещё пожар 1617 года, который практически полностью уничтожил город. Пришлось отменять почти все налоги, чтобы люди смогли постройиться. Ещё и сейчас, проезжая по посадам верхнему и нижнему, часто наталкивался государев дьяк на пепелища. Из крупного города в 2000 дворов и населением не меньше 7000 человек Нижний Новгород скукожился до 1200 дворов, и те были не чета прежним.

Фёдор Фёдорович читал две грамотки и удивлялся. Да какое там удивлялся – он совершенно был сбит с толку. От ямских старост доносили, что неведомые царёвы стрельцы прошли по Владимирскому тракту и весь его устлали обнажёнными трупами разбойных людей. Всех-де татей повыбили, даже известного казацкого атамана Ивана Сокола всю банду истребили. А ведь было у Сокола больше сотни казаков. Также докладывали старшины, что и людишки атамана Медведя полностью истреблены и голыми вдоль дороги горами навалены. И будто бы те неведомые стрельцы говорили, что учинили сие другим вора на острастку.

Весть была хороша: эти два разбойных атамана были неуловимы и всякий раз уходили от высылаемых воеводой отрядов, а то и били те отряды. Торговлишку же они заметно ущемили: боялись купцы по тракту ездить, только лишь собравшись большим караваном и трогались. Ну, вот и на старуху нашлась проруха. Теперь торговля должна оживиться. Поражала только жестокость неведомых стрельцов: додумались же устраивать вдоль дороги горы мёртвых, раздетых догола татей.

Вторая грамотка, от Балахнинского воеводы, должна была объяснить неясности первой, но вместо этого сильно их увеличила. Писал Никита Иванович Пушкин, что по поручению царя и государя Михаила Фёдоровича в сопровождении двух десятков стрельцов прибыл в отцову вотчину в Пурецкую волость Балахнинского уезда сын князя Дмитрия Михайловича Пожарского княжич Пётр Дмитриевич Пожарский. Прибыл он, согласно грамоте царской, вотчину отцову в порядок привести и обустроить. Хорошее дело. Только вот тринадцатилетние княжата ничем таким сроду не занимались. Дальше – больше. По дороге те стрельцы во главе с сим отроком и побили, оказывается, всех татей: и банду Ивана Сокола, и банду Медведя. И ещё больше двух десятков татей полонили, и завтра с оказией Никита Иванович оных татей в Нижний Новгород и пришлёт на суд и казнь.

Вот это будет удар по престижу князя Бутурлина. Хоть в петлю лезь. Он два года за татями гонялся и только людей без счёта положил, а выюноша тринадцати лет с двумя десятками стрельцов больше двух десятков пленил и на суд доставил, а ещё всю дорогу от Владимира до Нижнего Новгорода трупами татей завалил. Да!!! Чудны дела твои, Господи.

В конце же грамотки была просьба подсобить княжичу с плотниками и лесом для обустройства вотчины. Тоже хорошая новость. Плотники сейчас сидели без дела, кто хотел и мог, после пожара уже отстроился, а кто хотел, но не обладает средствами на хотелку, те средства изыскивает. А плотнические артели сидят без дела, скоро и милостыню пойдут просить. Обязательно их государев дьяк в Пурецкую волость отправит, пусть на хлеб зарабатывают, опять же, есть царёва грамота – помочь Петру Дмитриевичу Пожарскому.

Поражал масштаб: сему шустрому отроку требовалось ни много ни мало сто плотников. Если все плотнические артели в Нижнем Новгороде собрать, может, столько наберётся, а может,

и нет. Придётся завтра же с утра плотницких старшин к себе вызвать, пусть не мешкая едут. Да и самому нужно собираться в ту Пурецкую волость. Вот допросят татей, узнает он всю правду, как там было, и поедет, поглядит на непонятого княжича. Тем более что княжич-то не простой. Фамилия Пожарского в Нижнем Новгороде почиталась.

Событие девятнадцатое

Пётр Дмитриевич Пожарский сидел на лавке и охреневал. Он предполагал, что всё будет плохо. Вот даже с порога, можно сказать, своей волости выписал сотню плотников. Но плохо – это не про Пурецкую волость. Это, наверное, про Москву. Здесь же был полный Армагеддон. За первые два дня он объехал все свои (ну ладно, отцовы) владения. Утром взял дозорную книгу у подьячего Замятия Симанова и поехал по деревенькам и починкам.

Всего за князем Пожарским числилось восемнадцать поселений. Все они располагались вдоль правого берега Волги к югу от Балахны. В дозорную книгу, после разговора с очередным крестьянином, Пётр вносил то, что постеснялся или не счёл нужным записать подьячий. Сколько у кого детей и возраст каждого ребёнка, как зовут жену, если она есть, что выращивает и что умеет делать кроме как в земле ковыряться. Ну и самое главное, что у этого, мягко говоря, хозяина с запасами на зиму, что с семенным материалом, что с живностью: есть ли лошадь и корова, есть ли свиньи, есть ли козы или овцы, есть ли куры, гуси или утки. И наконец, какова урожайность ржи, пшеницы, овса, ячменя, гречки, репы. Пришлось освоить новую меру веса – оков или кадь, половина, четвертина, осьмина. Оков этот был равен, по подсчётам Петра, где-то 230 килограммам.

Всего у отца было 165 дворов. Было девять бортников. Было три кузнеца очень низкого мастерства – так, лошадь подковать. Был один грамотный, бывший нижегородский захребетник (читай – приживала). Почти все ловили рыбу на удочку или чаще на вершу, плетённую из лозы, и пятеро имели сеть. Было пять справных хозяев, у которых было по две лошади и две-три коровы.

То, в чём жила основная масса батиных крестьян, можно было назвать землянками. Пять-шесть накатов брёвен и плоская крыша, крытая дёрном. Вниз землянка была углублена на метр. Печи как таковой не было. Был сложенный из камней и глины очаг без трубы. Топились избы по-чёрному, все 165 изб топились по-чёрному. Барского домика с колоннами в селе Вершилово, состоящем из 18 дворов и церкви, не было. Церковь Пётр сначала принял за сарай. Стоят вплотную друг к другу три небольших сруба, и у них единственных двускатная крыша. Ни колоколен, ни звонниц, ни куполов. Как объяснил староста Вершилово, церковь была освящена в честь Пресвятой Троицы и была клётской, то есть и состояла из этих срубов (клетей).

Пётр пообщался с этим старостой, справным мужиком Игнашкой Коровиным, и, оценив его сельхоззнания на твёрдую тройку, послал в Нижний нанять всех, сколько найдёт, печников, всех каменщиков, поузнавать у них, где они берут кирпич (плинфу) и умеют ли они сами делать кирпич.

На сегодня у него были вызваны для беседы бортники, все девять, вместе с сыновьями старше тринадцати лет, если таковые окажутся. Прибыли двадцать два человека, подтягивались они, почитай, три часа. Часов ни у кого, считая и княжича, не было, и слово «утро» каждый понимал, как хотел. Проснулся – утро. Солнце ещё не в зените – тоже утро. Наконец, собрались. Пётр достал лист бумаги и записал всех по фамилиям. Потом задал вопрос, кто и сколько накачал мёда за этот год. Народ замялся. Тогда княжич пошёл другим путём.

– Я с вас возьму всего по штофу (это 1,6 литра) мёду. Взамен куплю корову. Денег не дам. Ещё отберут у вас, сам куплю. Если сена не хватит, то прямо сегодня попытайтесь травы накосить, сушить её не надо. Потом расскажу, что с ней делать.

– Что такое косить? – спросили бортники.

– Мать вашу, родину нашу. А чем вы траву косите, ну, срезаете, блин?

– Понятно, серпом, князь-батюшка.

– Ладно, к лету сделаем косы, и я сам научу ими пользоваться. Если доживём.

Народ оживился, услышав про корову, и стал хвастать сбором мёда. Выходило так себе. Больше всего накачал Сидор Косой с двумя сыновьями – десять пудов. Часть забрал староста, часть продал, часть оставил на зиму. Штоф найдёт.

– Мужики, – начал бывший генерал лекцию по пчеловодству, – я сейчас буду говорить всяческую ерунду, с вашей точки зрения. Только если меня кто-нибудь перебьёт или там смеяться удумает, я того весельчака просто выгоню, а корову не дам. Ясно ли?

– Ясно, князь-батюшка.

– Если взять пилу (это такой инструмент, полоса тонкого железа с зубьями) и отпилить от дерева с дуплом, в котором живут пчёлы, вершину чуть выше дупла, а потом отпилить от корня чуть ниже дупла, то у вас получится колода, ну или часть ствола дерева, в котором останутся пчёлы. Вы берёте эту колоду и ставите в поле рядом с вашим домом. Когда рой начнёт делиться, вы его берёте и помещаете в специальный домик для пчёл, назовём его улей. Я вам его размеры и внутреннее устройство на бумаге изображу. Посмотрите; кто сам не сможет сделать, помогут плотники. Осенью забираете у пчёл часть мёда и ставите эти ульи в сарай, специально для вас построят, а весной снова ставите на луг. Мне нужно, чтобы через несколько лет, скажем, три года, у вас было сто таких ульев. У кого будет больше всего, тому дам десять рублёв. Всё ли понятно? Теперь можете смеяться и задавать вопросы.

– Да разве пчела будет в поле жить? Она животное умная. Нет, не будет.

– Просто поверьте мне на слово, пчелы будут там жить и давать мёда гораздо больше, так как в поле до цветка ей лететь ближе, чем из лесу. В Китае так делают уже тысячу лет.

– Оно как, китайцы. А скажи, боярич, – вылез вперёд всё тот же передовик Сидор Косой, – тебе это зачем?

– Вот, смотри, Сидор, если я с вас никакой работы требовать не буду, а буду только забирать треть всего мёда, что вы набортничаете, это справедливо? Устроит вас?

– Что ж не устроит? Устроит.

– А если вы новым методом соберёте сто пудов, то треть от ста пудов больше, чем треть от десяти пудов?

– Знамо больше. Только куда тебе, княже, тридцать пудов? Не съешь ведь, слипнется.

– Буду разливать в бочонки и продавать. И ещё медовуху делать буду и опять продавать. Но это не главное. Мне нужно, чтобы вы стали богатыми людьми.

– Как это? Чтобы потом обстричь, как овцу? – опять ведь Сидор встрял.

– Сидор, ты ведь с князем разговариваешь. Я ведь терплю твою дурость, терплю, а потом по морде дам.

– Малец ты ещё, а не князь.

Это был вызов. Его нельзя не принять.

– Сейчас все расступятся, а мы с тобой сойдёмся на кулачки. Бить можешь в полную силу. Мужики будут видоками, что я разрешил. Начали. Расступились все! – рявкнул на бортников бывший спецназовец.

Мужики образовали круг и стали подначивать Косого. Пётр ждать не стал, подскочил к застывшему Сидору, схватил того за рукава и чуть толкнул назад, и когда мужик упёрся, провёл классический бросок через себя с упором стопы в живот. Бедолага летел целую минуту и со всего маха рухнул с гулом на спину. Народ безмолвствовал. Сидор лежал и не мог вдохнуть: правильно падать его никто не учил. Княжич поднялся с травы, не спеша отряхнулся, подошёл и подал руку, помогая Косому подняться.

– Ты прости его, князь-батюшка, он вечно так, брякнет, чего не надо. Уж сколько раз ему говорено, что пострадает из-за своего языка.

– Я на него и не обижался. Это ты меня прости, Сидор. Я учен заморскому бою, а ты – простой крестьянин. Это всё равно как если бы ты с пятилетним дитём связался. Ведь не тронул бы пацанёнка?

– Знамо, не тронул, – постепенно приходя в себя от падения, просипел бортник.

– Ну вот. А я на тебя руку поднял. Прости меня, Сидор, – и заржал.

Народ, охреневающий от того, что сейчас сказал княжич, понял, что это шутка, и тоже разразился громовым хохотом. Смеялись долго. Лёд был сломан. Дальше уже обсуждали неясности: что за пила такая, да что за коса такая, да что за силос такой. В общем, проговорили почти до вечера.

Событие двадцатое

Козьма Шустов сидел на лавке в тёмной горнице с низким потолком и крепко думал. Пять минут назад у него закончился разговор с Петром Дмитриевичем Пожарским. Станный княжич, ой странный. Словно кто вселился в тринадцатилетнего отрока. И этот кто-то не дьявол. Скорее уж ангел или кто из святых. Только не святых мучеников, а таких святых, как благоверный князь Александр Невский. Он не творил добро просто потому, что добрый. Он наказывал зло и заботился о тех, кто рядом с ним с этим злом борется.

Боярич предложил Козьме переговорить со стрельцами о том, чтобы все их два десятка переселились из Москвы сюда, в Вершилово. Пожарский обещал составить к царю и отцу грамотку о том, чтобы государь оставил с ним стрельцов на пять лет. Предложение же было заманчивым. Княжич обещал всем выдать по десять рублей на обзаведение и по десять же рублей в год жалованья. Кроме того, каждому будет раз в год пошита летняя и зимняя одежда единого образца. Всем оставлялся в пользование мушкет шпанский и ляшский конь дестриэ. Каждому стрельцу Пётр построит избу и даст по пять четвертей земли. Детей будут учить в школе при церкви. Если кто захочет заниматься другим промыслом, гончарным там, или портняжным, или каким другим, то княжич только приветствует и даст денег на приобретение всего необходимого для данного ремесла. Насчёт денег Козьма не беспокоился. Он знал примерно, сколько досталось Пожарскому в наследство от Медведя и Ивана Сокола. Деньжищи там были немалые.

Ещё Пётр отдельно оговорил, что по четыре часа в день они все должны изучать у него, княжича, казацкие ухватки, а у ляха пана Янека – сабельный бой. А каждый понедельник будут проводиться стрельбы из мушкетов для тренировки меткости и скорости стрельбы, и на это будут им выданы порох и пули. Раз в неделю, по вторникам, у них будет бег на 10 вёрст, а затем – отжимание и подтягивание по полчаса.

Предложение было заманчивое. Козьма на живом примере видел, что может сделать обученный ухваткам воин. Разве он поверил бы всего месяц назад, если бы кто рассказал ему о том, что два десятка стрельцов и один отрок смогут, не потеряв ни одного своего, уничтожить в бою дюжину десятков гораздо более опытных воинов? Тут Козьма себя не обманывал, любой казак был подготовлен лучше, чем стрелец его десятка. Казаки всю жизнь воевали, а стрельцы или город патрулировали, или на стенах мёрзли. Хорошо хоть стрелять их иногда учили.

А ещё видел Шустов, как Пожарский относится к своим стрельцам. Вчера налетел из Нижнего Новгорода воевода-князь Василий Матвеевич Бутурлин. Он выстроил стрельцов и с ходу стал кричать на них и всякими поносными словами поносить. Те же, считая себя героями, – вон, две какие разбойничьи шайки истребили, – стояли и только глазами хлопали.

Тут к ним и подошёл княжич.

– Здрав будь, Василий Матвеевич. – Пётр ему в пояс поклонился.

– А ты, отрок, и будешь сыном Дмитрия Михайловича Пожарского? – Князь мотнул головой, и непонятно было, то ли это поклон, то ли он дух просто перевёл.

– Я, воевода. В чем же вина этих стрельцов, что ты на них кричишь и всячески поносишь?

– А не твоего это ума дело, княжич.

– Князь, у тебя много врагов в Москве: и Колычевы, и Милославские, и Голицыны. Неужели ты хочешь, чтобы твоими врагами стали ещё и Пожарские с Романовыми? Зачем тебе это надо? Я как раз грамотки государю и отцу сейчас составляю, хочу написать, что радением воеводы в Нижегородской губернии спокойствие и благолепие. Или мне надо написать, что на всём Владимирском тракте на меня нападали тати да разбойники, коих развелось, по нерадению некоторых царёвых слуг, великое множество, и что те тати чуть меня жизни не лишили? – Пётр говорил очень медленно и с радушной улыбкой на губах.

Десятник слушал эту перепалку и смотрел на Бутурлина. В одно мгновение из красного, распалённого своим же криком грозного воеводы тот превратился в бледного, с выпученными глазами рябого мужика, побитого хозяином за нерадение. Княжич закончил говорить и спокойно смотрел в глаза воеводе. Были они примерно одного роста, и княжич даже специально подошёл поближе, чтобы взгляд этот был в упор. И воевода не выдержал игры в гляделки. Он упал на колени и заскулил.

– Прости меня, глупого, Пётр Дмитриевич! Язык себе вырву! Бес гордыни попутал! – Князь склонил голову.

– Ну, что ты, Василий Матвеевич, встань немедленно. Эти стрельцы мне жизнь спасли, и не раз. Потому и вступился за них. Может, на них какая вина есть? Ты мне скажи, и разберём вместе.

– Пенял я им, что не привезли они живым атамана казацкого, вора Ивашку Сокола для отправки в Москву на суд и казнь прилюдную, – всё ещё оправдывающимся голосом произнёс Бутурлин.

– Ну, вот и выяснилось всё. Был разбойник Ивашка сильно ранен при пленении. Не пережил бы он дальней дороги. При мне и помер. Я же тело его приказал сжечь, так как недостойн он христианского погребения. – Пожарский продолжал стоять прямо напротив князя вплотную и, чтобы тот не отошёл, придерживал его за рукав.

– Правильно ты поступил, Пётр Дмитриевич. Разумен, я смотрю, ты не по годам, весь в батюшку. Многие ему, заступнику земли русской, лета.

– Пройдём же, боярин, в мою избёнку, выпьешь чарку мёда с дороги, и поговорим там без глаз посторонних, – предложил Пётр.

Воевода согласно закивал. О чем разговаривали Пожарский с Бутурлиным, Козьма не слышал. Но только вышел через час князь Василий Матвеевич сияющий, как начищенный пятак. В руке же держал красивый золотой кубок, изукрашенный камнями.

Событие двадцать первое

Знаменщик (наиболее опытный иконописец, создающий рисунок будущей иконы) Иоаким Прилукин собрал отличную артель иконописцев. Личником был Семён Гагин, он рисовал лики святых так, что от них нельзя было глаза отвести. Платечником работал Иван Рябых, изображённые им ризы переливались всеми красками, словно святой только что пошевелил плечами, и одежды его чуть ворохнулись, заиграли на солнце самоцветами. Травщик был ещё юн, Фёдор Софрин только второй десяток разменял, но травы и ветви деревьев, выписываемые им, смотрелись как живые.

На Стоглавом соборе более полувека назад были утверждены «новгородские таблетки», образцы написания икон, но сейчас, после Смуты, многие настоящие иконописцы были либо убиты, либо умерли, не оставив после себя достойной смены, и по дорогам расписывать немногие появляющиеся храмы ходили сплошь богомазы. Они и писали без левкаса прямо по дереву. Такие изображения настоящие иконописцы презрительно именовали «краснушками». Рецепт левкаса (грунта) у каждой настоящей артели был свой: сколько-то мела, сколько-то рыбьего клея и льняного масла. Да дело было не столько в рецепте, сколько в умении левкасчика тонко и равномерно наносить слой за слоем. Иоаким был отменный левкасчик.

Сейчас Иоаким сидел с князем на завалинке у избы вершиловского старосты и обдумывал его предложение. Предложение было необычным. Как зарабатывала себе артель на жизнь? Всё просто: идёшь из села в село, из города в город и предлагаешь в церквях, монастырях и соборах свои услуги, демонстрируя несколько написанных артелью икон как образец своих возможностей. Договариваешься об оплате и, помолившись, начинаешь работать.

Княжич предлагал иное. Он построит для них просторный дом с отдельной комнатой для приготовления красок и отдельной комнатой для письма. Построит каждому дом или один большой на всю артель и приставит к ним женщин, чтобы те обстирывали их и готовили еду. Писать они будут только иконы. Отвлечёт их княжич только раз, когда артель плотников построит в Вершилове настоящую церковь со звонницей и куполом. Денег на всё необходимое для изготовления красок Пожарский будет давать отдельно от уговорённого помесячного заработка. Еда и услуги женщин – тоже за его счёт. Платить он им будет по четыре рубля в месяц на всю артель, а внутри артели они могут делить заработанное, как захотят.

Вечные бродяги, они не привыкли к оседлой жизни. Здесь же уют, забота и очень приличные деньги.

– Что же с теми иконами, княже, ты делать станешь? – почти согласился знаменщик.

– Хочу, чтобы в каждом доме у отцовых крестьян были красивые лики в красном углу. Хочу, чтобы в храм наш Вершиловский со всей губернии народ шёл помолиться и на работы ваши полюбоваться, – улыбнулся Иоакиму боярич.

Вот сидел перед ним обычный отрок, а улыбнулся и взглянул иконописцу в глаза, и словно патриарх того по волосам погладил.

– Хорошо, княжич, благое это дело, когда в каждом доме лик святого есть. Только если всегда сидеть на одном месте и не видеть икон чужого письма, то и совершенствоваться не сможешь, погрязнешь в копировании, – высказал сомнение Иоаким.

Пётр Пожарский утвердительно кивнул.

– Правильно говоришь. Какой же выход?

– Надо нам время от времени хотя бы в Нижний Новгород или Владимир выбираться.

– Нет проблем; пока тут дома строят, можете в Нижний Новгород съездить, лошадей дам, подводу дам, денег на еду и на всё, что для красок нужно, дам. Скажите, сколько надо, и собирайтесь.

- Что ж, по рукам, княже. Думаю, не пожалеешь ты о своей затее.
- Образ Богоматери Одигитрии Дионисия видел ли?
- Как не видеть, княже, и Богоматерь, и фрески его в Ферапонтовом монастыре на Белом озере имел счастье лицезреть.
- Сможешь ли повторить сию работу Дионисия? – Пётр перекрестился.
- Что один человек сделал, второй всегда повторить сможет, – спокойно и уверенно в себе проговорил знаменщик.
- Добро. Как вернётесь из Нижнего, с неё и начинайте.

Событие двадцать второе

Пётр Пожарский стоял на взгорке возле церквушки села Вершилово и оглядывал окрестности вместе с четырьмя артельными старостами. Трое были плотниками, один – печник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.